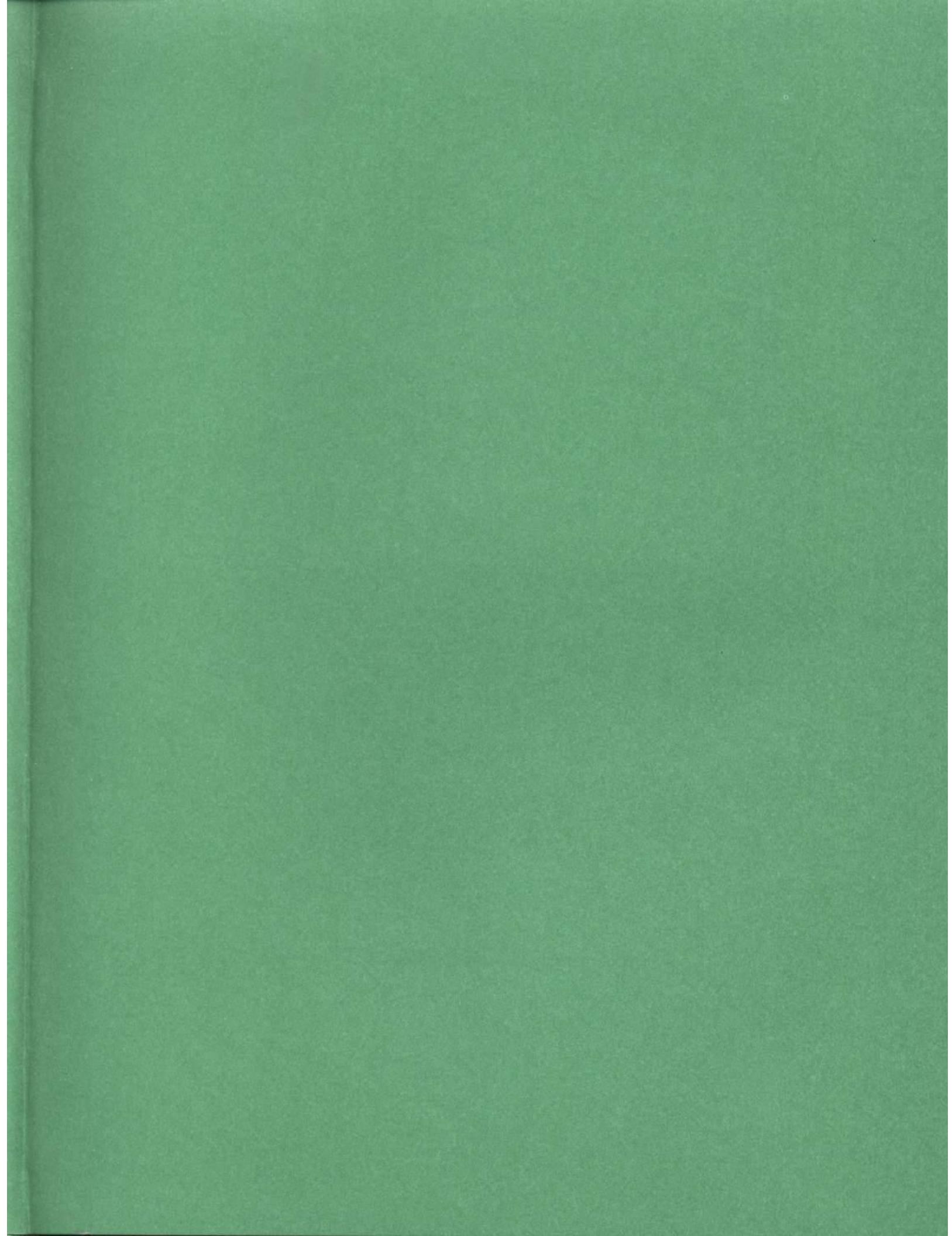

Сказки русских писателей

сказки
русских
писателей

МОСКВА
РОСМЭН
2014

С. Аксаков

Ленский цветочек

Сказка ключницы Пелагеи

В некиим¹ царстве, в некиим государстве жил-был богатый купец, именитый человек.

Много у него было всякого богатства, дорогих товаров заморских, жемчугу, драгоценных камениев, золотой и серебряной казны²; и было у того купца три дочери, все три красавицы писаные, а меньшая лучше всех; и любил он дочерей своих больше всего своего богатства, жемчугов, драгоценных камениев, золотой и серебряной казны — по той причине, что он был вдовец и любить ему было некого; любил он старших дочерей, а меньшую дочь любил больше, потому что она была собой лучше всех и к нему ласковее.

Вот и собирается тот купец по своим торговым делам за море, за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство, и говорит он своим любезным дочерям:

«Дочери мои милые, дочери мои хорошие, дочери мои пригожие, еду я по своим купецким делам

¹ В некиим — в некотором. В сказке много старинных слов; она написана так, как её рассказывала ключница Пелагея.

² Казна — деньги.

за тридевять земель, в тридевятое царство, тридевятое государство, и мало ли, много ли времени проезжу — не ведаю, и наказываю я вам жить без меня честно и смирно, и коли вы будете жить без меня честно и смирно, то привезу вам такие гостинцы, каких вы сами захотите, и даю я вам сроку думать на три дня, и тогда вы мне скажете, каких гостинцев вам хочется».

Думали они три дня и три ночи и пришли к своему родителю, и стал он их спрашивать, каких гостинцев желают. Старшая дочь поклонилась отцу в ноги да и говорит ему первая:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи¹, ни мехов чёрного соболя, ни жемчуга бурмицкого², а привези ты мне золотой венец из камениев самоцветных, и чтоб был от них такой свет, как от месяца полного, как от солнца красного, и чтоб было от него светло в тёмную ночь, как среди дня белого».

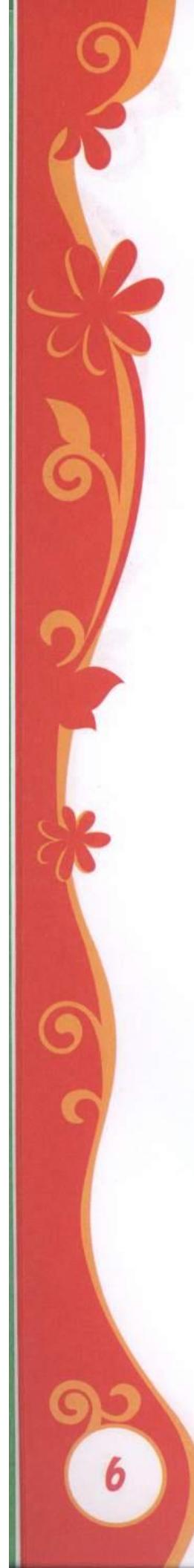
Честной купец призадумался и сказал потом:

«Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, привезу я тебе таковой венец; знаю я за морем такого человека, который достанет мне таковой венец; а и есть он у одной королевиши заморской, а и спрятан он в кладовой каменной, а и стоит та кладовая в каменной горе, глубиной на три сажени, за тремя дверьми железными, за тремя замками немецкими. Работа будет немалая: да для моей казны супротивного нет».

Поклонилась ему в ноги дочь середня и говорит:

¹ Парча — шёлковая материя, затканная золотыми или серебряными нитями.

² Жемчуг бурмицкий — жемчуг особенно крупный и круглый.

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты
мне золотой и серебряной парчи, ни чёрных мехов
соболя сибирского, ни ожерелья жемчуга бурмицко-
го, ни золота венца самоцветного, а привези ты мне
тувалет¹ из хрустялю восточного, цельного, беспо-
рочного, чтобы, глядя в него, видела я всю красоту
поднебесную и чтоб, смотрясь в него, я не стари-
лась и красота б моей девичьей прибавлялась».

Призадумался честной купец и, подумав мало ли,
много ли времени, говорит ей таковые слова:

«Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, до-
стану я тебе таковой хрустальный тувалет; а и есть
он у дочери короля персидского, молодой королевиши-
ны, красоты несказанной, неописанной и негаданной;
и скроен он тот тувалет в терему каменном, высоком,
и стоит он на горе каменной, вышина той горы в три-
ста сажень, за семью дверьми железными, за семью
замками немецкими, и ведут к тому терему ступеней
три тысячи, и на каждой ступени стоит по воину пер-
сидскому и день и ночь с саблею наголо булатною,
и ключи от тех дверей железных носит королевиша
на поясе. Знаю я за морем такого человека, и доста-
нет он мне таковой тувалет. Потяжеле твоя работа се-
стриной, да для моей казны супротивного нет».

Поклонилась в ноги отцу меньшая дочь и говорит
таково слово:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты
мне золотой и серебряной парчи, ни чёрных собо-
лей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца
самоцветного, ни туалета хрустального, а привези
ты мне аленький цветочек, которого бы не было
краше на белом свете».

¹ Туалет — зеркало.

Призадумался честной купец крепче прежнего. Мало ли, много ли времени он думал, доподлинно сказать не могу; надумавшись, он целует, ласкает, приголубливает свою меньшую дочь, любимую, и говорит таковые слова:

«Ну, задала ты мне работу потяжеле сестриных: коли знаешь, что искать, то как не сыскать, а как найти то, чего сам не знаешь? Аленкий цветочек не хитро найти, да как же узнать мне, что краше его нет на белом свете? Буду стараться, а на гостинце не взыщи».

И отпустил он дочерей своих, хороших, пригожих, в ихние терема девичьи. Стал он собираться в путь,

во дороженьку, в дальние края заморские. Долго ли, много ли он собирался, я не знаю и не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Поехал он в путь, во дороженьку.

Вот ездит честной купец по чужим сторонам заморским, по королевствам невиданным; продаёт он свои товары втридорога, покупает чужие втридёшева, он меняет товар на товар и того сходней, со придачею серебра да золота; золотой казной корабли нагружает да домой посыпает. Отыскал он заветный гостинец для своей старшей дочери: венец с камнями самоцветными, а от них светло в тёмную ночь, как бы в белый день. Отыскал заветный гостинец и для своей средней дочери: туалет хрустальный, а в нём видна вся красота поднебесная, и, смотрясь в него, девичья красота не стареется, а прибавляется. Не может он только найти заветного гостинца для меньшой, любимой дочери — аленького цветочка, краше которого не было бы на белом свете.

Находил он во садах царских, королевских и султановых много аленьких цветочков такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером написать; да никто ему поруки не даёт, что краше того цветка нет на белом свете; да и сам он того не думает. Вот едет он путём-дорогою со своими слугами верными по пескам сыпучим, по лесам дремучим, и, откуда ни возьмись, налетели на него разбойники, бусурманские, турецкие да индейские, и, увидя беду неминучую, бросает честной купец свои караваны богатые со прислугою своей верною и бежит в тёмные леса. «Пусть-де меня растерзают звери лютые, чем попасться мне в руки разбойничьи, поганые и доживать свой век в плenу во неволе».

Бродит он по тому лесу дремучему, непроездному, непроходному, и что дальше идёт, то дорога лучше становится, словно деревья перед ним расступаются, а часты кусты раздвигаются. Смотрит назад — руки не просунуть, смотрит направо — пни да колоды, зайцу косому не проскочить, смотрит налево — а и хуже того. Дивуется честной купец, думает не придумает, что с ним за чудо совершается, а сам всё идёт да идёт: у него под ногами дорога торная. Идёт он день от утра до вечера, не слышит он рёву звериного, ни шипения змеиного, ни крику совиного, ни голоса птичьего: ровно около него всё повымерло. Вот пришла и тёмная ночь; кругом его хоть глаз выколи, а у него под ногами светлёнко. Вот идёт он, почитай, до полуночи, и стал видеть впереди будто зарево, и подумал он: «Видно, лес горит, так зачем же мне туда идти на верную смерть, неминучую?»

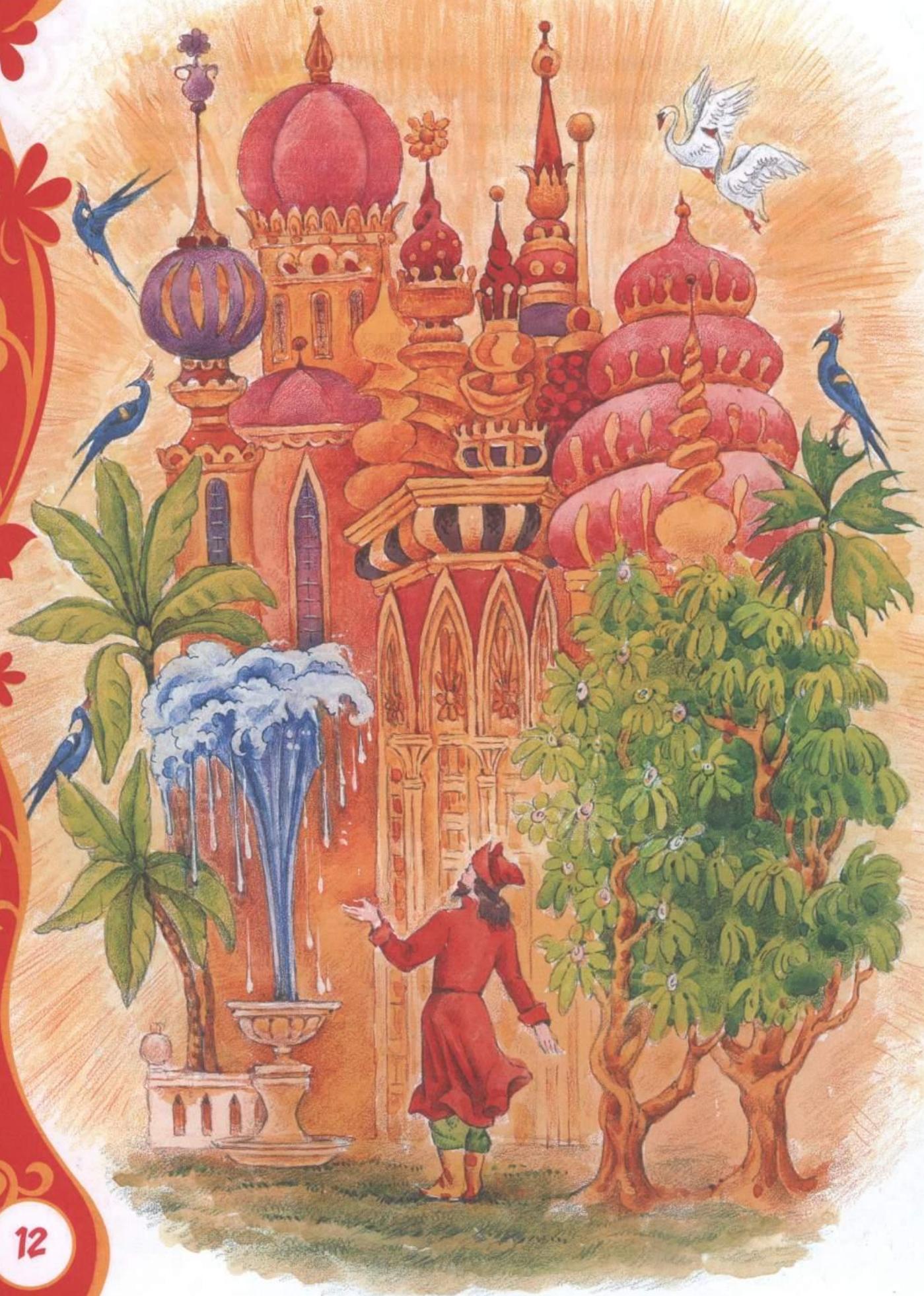
Поворотил он назад — нельзя идти, направо, налево — нельзя идти; сунулся вперёд — дорога торная. «Дай постою на одном месте, — может, зарево пойдёт в другую сторону, аль прочь от меня, аль потухнет совсем».

Вот и стал он, дожидается; да не тут-то было: зарево точно к нему навстречу идёт, и как будто около него светлее становится; думал он, думал и порешил идти вперёд. Двух смертей не бывать, а одной не миновать. Перекрестился купец и пошёл

вперёд. Чем дальше идёт, тем светлее становится, и стало, почитай, как белый день, а не слышно шуму и треску пожарного. Выходит он под конец на поляну широкую, и посередь той поляны широкой стоит дом не дом, чертог не чертог, а дворец королевский или царский, весь в огне, в серебре и золоте и в каменьях самоцветных, весь горит и светит, а огня

не видать; ровно солнышко красное, инда¹ тяжело на него глазам смотреть. Все окошки во дворце растворены, и играет в нём музыка согласная, какой никогда он не слыхивал.

Входит он на широкий двор, в ворота широкие растворенные; дорога пошла из белого мрамора, а по сторонам бьют фонтаны воды, высокие, большие и малые. Входит он во дворец по лестнице, устланной кармазинным² сукном, со перилами позолоченными; вошёл в горницу — нет никого; в другую, в третью — нет никого; в пятую, десятую — нет никого; а убранство везде царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, кость слоновая и мамонтовая.

Дивится честной купец такому богатству несказанному, а вдвое того, что хозяина нет; не только хозяина, и прислуги нет; а музыка играет не смолкающи; и подумал он в те поры про себя: «Всё хорошо, да есть нечего» — и вырос перед ним стол, убранный-разубранный: в посуде золотой да серебряной яства³ стоят сахарные, и вина заморские, и питья медвяные. Сел он за стол без сумления⁴; напился, наелся досыта, потому что не ел сутки целые; кушанье такое, что и сказать нельзя, — того и гляди, что язык проглотишь, а он, по лесам и пескам ходючи, крепко проголодался; встал он из-за стола, а поклониться некому и сказать спасибо за хлеб за соль некому. Не успел он встать да оглянуться, а стола с кушаньем как не бывало, а музыка играет не умолкающи.

¹ Инда — даже.

² Кармазинное — ярко-красное.

³ Яства — кушанья.

⁴ Без сумления — без сомнения.

Дивуется честной купец такому чуду чудному и такому диву дивному, и ходит он по палатам изукрашенным да любуется, а сам думает: «Хорошо бы теперь соснуть да всхрапнуть» — и видит, стоит перед ним кровать резная, из чистого золота, на ножках хрустальных, с пологом серебряным, с бахромою и кистями жемчужными; пуховик на ней как гора лежит, пуху мягкого, лебяжьего.

Дивится купец такому чуду новому, новому и чудному; ложится он на высокую кровать, задёргивает полог серебряный и видит, что он тонок и мягок, будто шёлковый. Стало в палате темно, ровно в сумерки, и музыка играет будто издали, и подумал он: «Ах, кабы мне дочерей хоть во сне увидать!» — и заснул в ту же минуточку.

Просыпается купец, а солнце уже взошло выше дерева стоячего. Проснулся купец, а вдруг опомниться не может: всю ночь видел он во сне дочерей своих любезных, хороших и пригожих, и видел он дочерей своих старших: старшую и середнюю, что они веселым-веселёхоньки, а печальна одна дочь меньшая, любимая; что у старшей и середней дочери есть женихи богатые и что собираются они выйти замуж, не дождавшись его благословения отцовского; меньшая же дочь любимая, красавица писаная, о женихах и слышать не хочет, покуда не воротится её родимый батюшка. И стало у него на душе и радостно и не радостно.

Встал он со кровати высокой, платье ему всё приготовлено, и фонтан воды бьёт в чашу хрустальную; он одевается, умывается и уж новому чуду не дивуется: чай и кофей на столе стоят, и при них закуска сахарная. Помолившись богу, он накушал-

ся, и стал он опять по палатам ходить, чтобы опять на них полюбоваться при свете солнышка красного. Всё показалось ему лучше вчерашнего. Вот видит он в окна растворённые, что кругом дворца разведены сады диковинные, плодовитые и цветы цветут красоты неописанной. Захотелось ему по тем садам прогуляться.

Сходит он по другой лестнице из мрамора зелёного, из малахита медного, с перилами позолоченными, сходит прямо в зелёны сады. Гуляет он и любуется: на деревьях висят плоды спелые, румяные, сами в рот так и просятся, инда, глядя на них, слюнки

текут; цветы цветут распрекрасные, махровые, пахучие, всякими красками расписанные; птицы летают невиданные: словно по бархату зелёному и пунцового золотом и серебром выложенные, песни поют райские; фонтаны воды бьют высокие, инда глядеть на их вышину — голова запрокидывается; и бегут и шумят ключи родниковые по колодам хрустальным.

Ходит честной купец, дивуется; на все такие диковинки глаза у него разбежалися, и не знает он, на что смотреть и кого слушать. Ходил он так много ли, мало ли времени — неведомо: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. И вдруг видит он, на пригорочке зелёном цветёт цветок цвету алого, красоты невиданной и неслыханной, ни в сказке сказать, ни пером написать. У честного купца дух занимается; подходит он ко тому цветку; запах от цветка по всему саду ровно струя бежит; затряслись и руки и ноги у купца, и возговорил он голосом радостным:

«Вот аленький цветочек, какого нет краше на белом свете, о каком просила меня дочь меньшая, любимая».

И, проговорив таковы слова, он подошёл и сорвал аленький цветочек. В ту же минуту, безо всяких туч, блеснула молонья и ударил гром, инда земля зашаталася под ногами, — и вырос, как будто из земли, перед купцом зверь не зверь, человек не человек, а так какое-то чудище, страшное и мохнатое, и заревел он голосом диким:

«Что ты сделал? Как ты посмел сорвать в моём саду мой заповедный, любимый цветок? Я хранил его паче зеницы ока моего и всякий день утешался, на него глядючи, а ты лишил меня всей утёхи в моей жизни. Я хозяин дворца и сада, я принял тебя, как дорогого гостя и званого, накормил, напоил и спать

уложил, а ты эдак-то заплатил за моё добро? Знай же свою участь горькую: умереть тебе за свою вину смертью безвременною!..»

И несчтное число голосов диких со всех сторон завопило:

«Умереть тебе смертью безвременою!»

У честного купца от страха зуб на зуб не приходил, он оглянулся кругом и видит, что со всех сторон, из-под каждого дерева и кустика, из воды, из земли лезет к нему сила нечистая и несметная, все страшилища безобразные.

Он упал на колени перед наибольшим хозяином, чудищем мохнатым, и возговорил голосом жалобным:

«Ох ты гой еси, господин честной, зверь лесной, чудо морское: как взвеличать тебя — не знаю, не ведаю! Не погуби ты души моей христианской за мою продерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери красавицы, хорошие и пригожие; обещал я им по гостинцу привезть: старшей дочери — самоцветный венец, средней дочери — туалет хрустальный, а меньшой дочери — аленъкий цветочек, какого бы не было краше на белом свете. Старшим дочерям гостинцы я сыскал, а меньшой дочери гостинца отыскать не мог; увидел я такой гостинец у тебя в саду — аленъкий цветочек, какого краше нет на белом свете, и подумал я, что такому хозяину, богатому-богатому, славному и могучему, не будет жалко цветочка аленъкого, о каком просила моя меньшая дочь, любимая. Каюсь я в своей вине перед твоим величеством. Ты прости мне, неразумному и глупому, отпусти меня к моим дочерям родимым и подари мне цветочек аленъкий для гостинца моей меньшой, любимой дочери. Заплачу я тебе казны золотой, что потребуешь».

Раздался по лесу хохот, словно гром загремел, и возговорит купцу зверь лесной, чудо морское:

«Не надо мне твоей золотой казны: мне своей девать некуда. Нет тебе от меня никакой милости, и разорвут тебя мои слуги верные на куски, на части мелкие. Есть одно для тебя спасенье. Я отпущу тебя домой невредимого, награжу казной несчётною, подарю цветочек аленъкий, коли дашь ты мне

слово честное купецкое и запись своей руки, что пришлёшь заместо себя одну из дочерей своих, хороших, пригожих; я обиды ей никакой не сделаю, а и будет она жить у меня в чести и приволье, как сам ты жил во дворце моём. Стало скучно мне жить одному, и хочу я залучить себе товарища».

Так и пал купец на сыру землю, горючими слезами обливается; а и взглянет он на зверя лесного, на чудо морское, а и вспомнит он своих дочерей, хороших, пригожих, а и пуще того завопит истощным голосом: больно страшен был лесной зверь, чудо морское. Много времени честной купец убивается и слезами обливается, и возговорит он голосом жалобным:

«Господин честной, зверь лесной, чудо морское! А и как мне быть, коли дочери мои, хорошие и пригожие, по своей воле не захотят ехать к тебе? Не связать же мне им руки и ноги да насильно прислать? Да и каким путём до тебя доехать? Я ехал к тебе ровно два года, а по каким местам, по каким путям, я не ведаю».

Возговорит купцу зверь лесной, чудо морское:

«Не хочу я невольницы: пусть приедет твоя дочь сюда по любви к тебе, своей волею и хотением; а коли дочери твои не поедут по своей воле и хотению, то сам приезжай, и велю я казнить тебя смертью лютую. А как приехать ко мне — не твоя беда; дам я тебе перстень с руки моей: кто наденет его на правый мизинец, тот очутится там, где желает, во единое ока мгновение. Сроку тебе даю дома пробыть три дня и три ночи».

Думал, думал купец думу крепкую и придумал так: «Лучше мне с дочерьми повидатися, дать им своё родительское благословение, и коли они избавить меня от смерти не захотят, то приготовиться к смерти по долгу христианскому и воротиться к лесному зверю, чуду морскому».

Фальши у него на уме не было, а потому он рассказал, что у него было на мыслях. Зверь лесной, чудо морское, и без того их знал; видя его правду, он и записи с него заручной¹ не взял, а снял с своей руки золотой перстень и подал его честному купцу.

И только честной купец успел надеть его на правый мизинец, как очутился он в воротах своего широкого двора; в ту пору в те же ворота въезжали его караваны богатые с прислугою верною, и привезли они казны и товаров втрое противу прежнего. Поднялся в доме шум и гвалт, повскакали дочери из-за пялец своих, а вышивали они серебром и золотом ширинки² шелковые; почали³ они отца целовать, миловать и разными ласковыми именами называть, и две старшие сестры лебезят пуще меньшей сестры. Видят они, что отец как-то нерадостен и что есть у него на сердце печаль потаённая. Стали старшие дочери его допрашивать, не потерял ли он своего богатства великого; меньшая же дочь о богатстве не думает, и говорит она своему родителю:

«Мне богатства твои ненадобны; богатство дело живное, а открой ты мне своё горе сердечное».

И возговорит тогда честной купец своим дочерям родимым, хорошим и пригожим:

¹ Заручная запись — расписка.

² Ширинка — полотенце.

³ Почать — начать.

«Не потерял я своего богатства великого, а нажил казны втрое-четверо; а есть у меня другая печаль, и скажу вам об ней завтрашний день, а сегодня будем веселиться».

Приказал он принести сундуки дорожные, железом окованные; доставал он старшей дочери золотой венец, золота аравийского, на огне не горит, в воде не ржавеет, со камнями самоцветными; достаёт гостинец середней дочери, туваlet хрусталю

восточного; достаёт гостинец меньшой дочери, золотой кувшин с цветочком алеңким. Старшие дочери от радости рехнулися, унесли свои гостинцы в терема высокие и там на просторе ими досыта потешалися. Только дочь меньшая, любимая, увидав цветочек алеңкий, затряслась вся и заплакала, точно в сердце её что ужалило. Как возговорит к ней отец таковы речи:

«Что же, дочь моя милая, любимая, не берёшь ты своего цветка желанного? Краше его нет на белом свете».

Взяла дочь меньшая цветочек алеңкий ровно нехотя, целует руки отцовы, а сама плачет горючими слезами. Скоро прибежали дочери старшие, попытали они гостинцы отцовские и не могут опомниться от радости. Тогда сели все они за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за пития медвяные; стали есть, пить, прохладжаться, ласковыми речами утешатися.

Ввечеру гости понаехали, и стал дом у купца полнёхонек дорогих гостей, сродников, угодников, прихлебателей. До полуночи беседа продолжалася, и таков был вечерний пир, какого честной купец у себя в дому не видывал, и откуда что бралось, не мог догадаться он, да и все тому дивовалися: и посуды золотой-серебряной, и кушаний диковинных, каких никогда в дому не видывали.

Заутра позвал к себе купец старшую дочь, рассказал ей всё, что с ним приключилося, всё от слова до слова, и спросил: хочет ли она избавить его от смерти лютой и поехать жить к зверю лесному, к чуду морскому? Старшая дочь наотрез отказалася и говорит:

«Пусть та дочь и выручит отца, для кого он доставал аленъкий цветочек».

Позвал честной купец к себе другую дочь, середнюю, рассказал ей всё, что с ним приключилося, всё от слова до слова, и спросил, хочет ли она избавить его от смерти лютой и поехать жить к зверю лесному, чуду морскому? Середняя дочь наотрез отказалася и говорит:

«Пусть та дочь и выручит отца, для кого он доставал аленъкий цветочек».

Позвал честной купец меньшую дочь и стал ей всё рассказывать, всё от слова до слова, и не успел кончить речи своей, как стала перед ним на колени дочь меньшая, любимая, и сказала:

«Благослови меня, государь мой батюшка родимый: я поеду к зверю лесному, чуду морскому, и стану жить у него. Для меня достал ты аленъкий цветочек, и мне надо выручить тебя».

Залился слезами честной купец, обнял он свою меньшую дочь, любимую, и говорит ей таковые слова:

«Дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая, да будет над тобою мое благословение родительское, что выручаешь ты своего

отца от смерти лютой и по доброй воле своей и хотению идёшь на житьё противное к страшному зверю лесному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворце, в богатстве и приволье великом; да где тот дворец — никто не знает, не ведает, и нет к нему дороги ни конному, ни пешему, ни зверю прыскучemu, ни птице перелётной. Не будет нам от тебя ни слуха, ни весточки, а тебе от нас и подавно. И как

мне доживать мой горький век, лица твоего не видаючи, ласковых речей твоих не слыхаючи? Расставшись я с тобою на веки вечные, ровно тебя живую в землю хороню».

И возговорит отцу дочь меньшая, любимая:

«Не плачь, не тоскуй, государь мой батюшка родимый; житьё моё будет богатое, привольное: зверя лесного, чуда морского, я не испугаюсь, буду служить ему верою и правдою, исполнять его волю господскую, а может, он надо мной и сжалится. Не оплакивай ты меня живую, словно мёртвую: может, бог даст, я и вернусь к тебе».

Плачет, рыдает честной купец, таковыми речами не утешается.

Прибегают сёстры старшие, большая и середняя, подняли плач по всему дому: вишь, больно им жалко меньшой сестры, любимой; а меньшая сестра и виду печального не кажется, не плачет, не охает и в дальний путь неведомый собирается. И берёт с собою цветочек але́нький во кувшине позолоченном.

Прошёл третий день и третья ночь, пришла пора расставаться честному купцу, расставаться с дочерью меньшою, любимою; он целует, милует её, горючими слезами обливает и кладёт на неё крестное благословение своё родительское. Вынимает он перстень зверя лесного, чуда морского, из ларца кованого, надевает перстень на правый мизинец меньшой, любимой дочери — и не стало её в ту же минуточку со всеми её пожитками¹.

Очнулась она во дворце зверя лесного, чуда морского, во палатах высоких, каменных, на кровати из резного золота со ножками хрустальными,

¹ Пожитки — имущество.

на пуховике пуха лебяжьего, покрытом золотой камкой¹; ровно она и с места не сходила, ровно она целый век тут жила, ровно легла почивать да проснулася. Заиграла музыка согласная, какой отродясь она не слыхивала.

Встала она со постели пуховой и видит, что все её пожитки и цветочек але́нький в кувшине позолоченном тут же стоят, раскладены и расставлены на столах зелёных малахита медного, и что в той палате много добра и скарба всякого, есть на чём посидеть-полежать, есть во что приодеться, есть во что посмотреться. И была одна стена вся зеркальная, а другая стена золочёная, а третья стена вся серебряная, а четвёртая стена из кости слоновой и мамонтовой, самоцветными яхонтами вся разубранная; и подумала она: «Должно быть, это моя опочивальня».

Захотелось ей осмотреть весь дворец, и пошла она осматривать все его палаты высокие, и ходила она немало времени, на все диковинки любуючись; одна палата была краше другой, и всё краше того, как рассказывал честной купец, государь её батюшка родимый. Взяла она из кувшина золочёного любимый цветочек але́нький, сошла она в зеленые сады, и запели ей птицы свои песни райские, а деревья, кусты и цветы замахали своими верхушками и ровно перед ней преклонилися; выше забили фонтаны воды и громче зашумели ключи родниковые; и нашла она то место высокое, пригорок муравчный, на котором сорвал честной купец цветочек але́нький,

¹ Камка — шёлковая ткань с узорами.

краше которого нет на белом свете. И вынула она тот але́нький цветочек из кувшина золочёного и хотела посадить на место прежнее; но сам он вылетел из рук её и прирос к стеблю прежнему и расцвёл краше прежнего.

Подивилась она такому чуду чудному, дивному, порадовалась своему цветочку але́нькому, заветному и пошла назад в палаты свои дворцовые; и в одной из них стоит стол накрыт, и только она подумала: «Видно, зверь лесной, чудо морское, на меня не гневается, и будет он ко мне господин милостивый», — как на белой мраморной стене появились слова́ огненные:

«Не господин я твой, а послушный раб. Ты моя госпожа, и всё, что тебе пожелается, всё, что тебе на ум придёт, исполнять я буду с охотою».

Прочитала она слова́ огненные, и пропали они со стены белой мраморной, как будто их никогда не бывало там. И вспало ей на мысли написать письмо к своему родителю и дать ему о себе весточки. Не успела она о том подумать, как видит она, перед нею бумага лежит, золотое перо со чернильницей. Пишет она письмо к своему батюшке родимому и сестрицам своим любезным:

«Не плачьте обо мне, не горюйте, я живу во дворце у зверя лесного, чуда морского, как королевиша; самого его не вижу и не слышу, а пишет он ко мне на стене беломраморной словесами огненными, и знает он всё, что у меня на мысли, и в ту же минуту всё исполняет, и не

хочет он называться господином моим,
а меня называет госпожой своей».

Не успела она письмо написать и печатью припечатать, как пропало письмо из рук и из глаз её, словно его тут и не было. Заиграла музыка пуще прежнего, на столе явились яства сахарные, питья медвяные, вся посуда золота червонного. Села она за стол веселёхонька, хотя сроду не обедала одна-одинёшенька; ела она, пила, прохлаждалася, музыкой забавлялася. После обеда, накушавшись, она опочивать легла; заиграла музыка потише и подальше — по той причине, чтоб ей спать не мешать.

После сна встала она веселёхонька и пошла опять гулять по садам зелёным, потому что не успела она до обеда обходить и половины их, наглядеться на все их диковинки. Все деревья, кусты и цветы перед ней преклонялисся, а спелые плоды — груши, персики и наливные яблочки — сами в рот лезли. Походив время немалое, почитай вплоть до вечера, воротилась она во свои палаты высокие, и видит она: стол накрыт, и на столе яства стоят сахарные и питья медвяные, и все отменные.

После ужина вошла она в ту палату беломраморную, где читала она на стене слова огненные, и видит она на той же стене опять такие же слова огненные:

«Довольна ли госпожа моя своими садами и палатами, угощеньем и прислугою?»

И возговорила голосом радостным молодая дочь купецкая, красавица писаная:

«Не зови ты меня госпожой своей, а будь ты всегда мой добрый господин, ласковый и милостивый. Я из воли твоей никогда не выступлю. Благодарствую тебе за всё твоё угощение. Лучше

твоих палат высоких и твоих зелёных садов не найти на белом свете: то и как же мне довольною не быть? Я отродясь таких чудес не видывала. Я от такого дива ещё в себя не приду, только боюсь я почивать одна; во всех твоих палатах высоких нет ни души человеческой».

Появились на стене слова огненные:
«Не бойся, моя госпожа прекрасная: не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя девушкина сенная¹, верная и любимая; и много в палатах душ человеческих, а только ты их не видишь и не слышишь, и все они вместе со мною берегут тебя и день и ночь: не дадим мы на тебя ветру венути², не дадим и пылинке сесть».

И пошла почивать в опочивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писаная, и видит: стоит у кровати её девушка сенная, верная и любимая, и стоит она чуть от страха жива; и обрадовалась она госпоже своей, и целует её руки белые, обнимает её ноги резвые. Госпожа была ей также рада, принялась её расспрашивать про батюшку родимого, про сестриц своих старших и про всю свою прислугу девичью; после того принялась сама рассказывать, что с нею в это время приключилося; так и не спали они до белой зари.

Так и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная. Всякий день ей готовы наряды новые, богатые, и убранства такие, что цены им нет, ни в сказке сказать, ни пером написать; всякий день угощенья и веселья новые, отменные: ка-

¹ Сенная девушка — служанка.

² Венути — подуть.

танье, гулянье с музыкою на колесницах без коней и упряжи по тёмным лесам; а те леса перед ней расступалися и дорогу давали ей широкую, широкую и гладкую. И стала она рукодельями заниматься, рукодельями девичьими, вышивать ширинки серебром и золотом и низать бахромы частым жемчугом; стала посыпать подарки батюшке родимому, а и самую богатую ширинку подарила своему хозяину ласковому, а и тому лесному зверю, чуду морскому; а и стала она день ото дня чаще ходить в залу беломраморную, говорить речи ласковые своему хозяину милостивому и читать на стене его ответы и приветы словесами огненными.

Мало ли, много ли тому времени прошло: скоро сказка оказывается, не скоро дело делается, — стала привыкать к своему житью-бытию молодая дочь купецкая, красавица писаная; ничему она уже не дивуется, ничего не пугается; служат ей слуги невидимые, подают, принимают, на колесницах без коней катают, в музыку играют и все её повеления исполняют. И возлюбляла она своего господина милостивого день ото дня, и видела она, что недаром он зовёт её госпожой своей и что любит он её пуще самого себя; и захотелось ей его голоса послушати, захотелось с ним разговор повести, не ходя в палату беломраморную, не читая словесов огненных.

Стала она его о том молить и просить; да зверь лесной, чудо морское, не скоро на её просьбу соглашается, испугать её своим голосом опасается; упросила, умолила она своего хозяина ласкового, и не мог он ей супротивным быть, и написал он ей в последний раз на стене беломраморной словесами огненными:

«Приходи сегодня во зелёный сад, сядь во свою беседку любимую, листвами, ветками, цветами заплетённую, и скажи так: «Говори со мной, мой верный раб».

И мало спустя времечка побежала молодая дочь купецкая, красавица писаная, во сады зелёные, входила во беседку свою любимую, листвами, ветками, цветами заплетённую, и садилась на скамью парчовую; и говорит она задыхающаяся, бьётся сердечко у ней, как у пташки пойманной, говорит таковые слова:

«Не бойся ты, господин мой, добрый, ласковый, испугать меня своим голосом: после всех твоих милостей не убоюся я и рёва звериного; говори со мной не опасаючись».

И услышала она, ровно кто вздохнул за беседкою, и раздался голос страшный, дикий и зычный, хриплый и сиплый, да и то говорил он ещё вполголоса. Вздрогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услыхав голос зверя лесного, чуда морского, только со страхом своим совладала и виду, что испугалася, не показала, и скоро слова его ласковые и приветливые, речи умные и разумные стала слушать она и заслушалась, и стало у ней на сердце радостно.

С той поры, с того времечка пошли у них разговоры, почитай, целый день — во зелёном саду на гуляньях, во тёмных лесах на катаньях и во всех палатах высоких. Только спросит молодая дочь купецкая, красавица писаная:

«Здесь ли ты, мой добрый, любимый господин?»

Отвечает лесной зверь, чудо морское:
«Здесь, госпожа моя прекрасная, твой верный раб,
неизменный друг».

И не пугается она его голоса дикого и страшного,
и пойдут у них речи ласковые, что конца им нет.

Прошло мало ли, много ли времени: скоро сказка
сказывается, не скоро дело делается, — захоте-
лось молодой дочери купецкой, красавице
писаной, увидеть своими глазами зве-
ря лесного, чуда морского, и стала
она его о том просить и молить.
Долго он на то не соглашается,
испугать её опасается, да и был
он такое страшилище, что ни
в сказке сказать, ни пером на-
писать; не только люди, звери
дикие его всегда устрашалися
и в свои берлоги разбегались.
И говорит зверь лесной, чудо
морское, таковые слова:

«Не проси, не моли ты меня, госпожа моя распред-
красная, красавица ненаглядная, чтобы показал я тебе
своё лицо противное, своё тело безобразное. К голо-
су моему попривыкла ты; мы живём с тобой в друж-
бе, согласии друг с другом, почитай, не разлучаемся,
и любишь ты меня за мою любовь к тебе несказан-
ную, а увидя меня, страшного и противного, возне-
навидишь ты меня, несчастного, прогонишь ты меня
с глаз долой, а в разлуке с тобой я умру с тоски».

Не слушала таких речей молодая купецкая дочь, красавица писаная, и стала молить пуще прежнего, клясться, что никакого на свете страшилища не испугается и что не разлюбит она своего господина милостивого, и говорит ему таковые слова:

«Если ты стар человек — будь мне дедушка, если середович¹ — будь мне дядюшка, если же молод ты — будь мне названный брат, и поколь я жива — будь мне сердечный друг».

Долго, долго лесной зверь, чудо морское, не поддавался на такие слова, да не мог просьбам и слезам своей красавицы супротивным быть, и говорит ей таково слово:

«Не могу я тебе супротивным быть по той причине, что люблю тебя пуще самого себя; исполню я твоё желание, хотя знаю, что погублю моё счастье и умру смертью безвременной. Приходи во злённый сад в сумерки серые, когда сядет за лес солнышко красное, и скажи: «Покажись мне, верный друг!» — и покажу я тебе своё лицо противное, своё тело безобразное. А коли станет невмоготу тебе больше у меня оставатися, не хочу я твоей неволи и муки вечной: ты найдёшь

¹ Середович — человек средних лет.

в опочивальне своей, у себя под подушкою, мой золот перстень. Надень его на правый мизинец — и очутишься ты у батюшки родимого и ничего обо мне николи не услышишь».

Не убоялась, не устрашилась, крепко на себя понадеялась молодая дочь купецкая, красавица писаная. В те поры, не мешкая ни минуточки, пошла она во зелёный сад дожидатися часу урочного и, когда пришли сумерки серые, опустился за лес солнышко красное, проговорила она: «Покажись мне, мой вер-

ный друг!» — и показался ей издали зверь лесной, чудо морское: он прошёл только поперёк дороги и пропал в частых кустах; и невзвидела света молодая дочь купецкая, красавица писаная, всплеснула руками белыми, закричала истошным голосом и упала на дорогу без памяти. Да и страшен был зверь лесной, чудо морское: руки кривые, на руках когти звериные, ноги лошадиные, спереди-сзади горбы великие верблюжие, весь мохнатый от верху до низу, изо рта торчали кабаньи клыки, нос крючком, как у беркута, а глаза были совиные.

Полежавши долго ли, мало ли времени, опамято-валась молодая дочь купецкая, красавица писаная, и слышит: плачет кто-то возле неё, горючими слезами обливается и говорит голосом жалостным:

«Погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не видать мне больше твоего лица распрекрасного, не захочешь ты меня даже слышати, и пришло мне умереть смертью безвременною».

И стало ей жалко и совестно, и совладала она со своим страхом великим и с своим сердцем робким девичьим, и заговорила она голосом твёрдым:

«Нет, не бойся ничего, мой господин добрый и ласковый, не испугаюсь я больше твоего вида страшного, не разлучусь я с тобой, не забуду твоих милостей; покажись мне теперь же в своём виде давешнем; я только впервые испугалася».

Показался ей лесной зверь, чудо морское, в своём виде страшном, противном, безобразном, только близко подойти к ней не осмелился, сколько она ни звала его; гуляли они

до ночи тёмной и вели беседы прежние, ласковые и разумные, и не чуяла никакого страха молодая дочь купецкая, красавица писаная. На другой день увидала она зверя лесного, чудо морское, при свете солнышка красного, и хотя сначала, разглядя его, испугалася, а виду не показала, и скоро страх её совсем прошёл. Тут пошли у них беседы пуще прежнего: день-деньской, почитай, не разлучались, за обедом и ужином яствами сахарными насыщалися, питьями медвяными прохлаждалися, гуляли по зелёным садам, без коней каталися по тёмным лесам.

И прошло тому немало времени: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Вот однажды и привиделось во сне молодой купецкой дочери, красавице писаной, что батюшка её нездоров лежит; и напала на неё тоска неусыпная, и увидал её в той тоске и слезах зверь лесной, чудо морское, и сильно закручинился и стал спрашивать: отчего она во тоске, во слезах? Рассказала она ему свой недобрый сон и стала просить у него позволения повидать своего батюшку родимого и сестриц своих любезных. И возговорит к ней зверь лесной, чудо морское:

«И зачем тебе моё позволенье? Золот перстень мой у тебя лежит, надень его на правый мизинец и очутишься в дому у батюшки родимого. Оставайся у него, пока не соскучишься, а и только я скажу тебе: коли ты ровно через три дня и три ночи не воротишься, то не будет меня на белом свете, и умру я тою же минутою, по той причине, что люблю тебя больше, чем самого себя, и жить без тебя не могу».

Стала она заверять словами заветными и клятвами, что ровно за час до трёх дней и трёх ночей воротится во палаты его высокие. Простились она

с хозяином своим ласковым и милостивым, надела на правый мизинец золот перстень и очутилась на широком дворе честного купца, своего батюшки родимого. Идёт она на высокое крыльцо его палат каменных; набежала к ней прислуга и челядь дворовая, подняли шум и крик; прибежали сестрицы любезные и, увидевши её, диву дались красоте её девичьей и её наряду царскому, королевскому; подхватили её под руки белые и повели к батюшке ро-

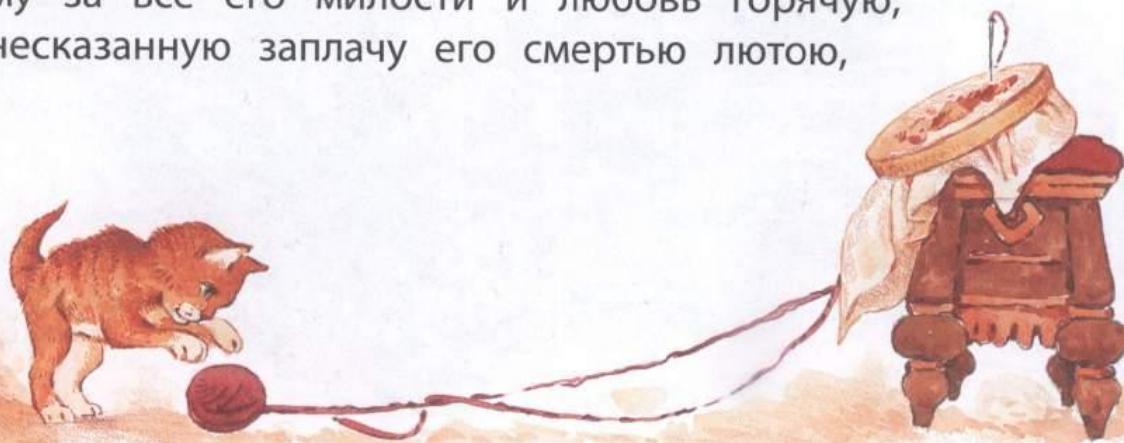

димому; а батюшка нездоров лежал, нездоров и нерадостен, день и ночь её вспоминаючи, горючими слезами обливаючись; и не вспомнился он от радости, увидавши свою дочь милую, хорошую, пригожую, меньшую, любимую, и дивился он красоте её девичьей, её наряду царскому, королевскому.

Долго они целовалися, миловалися, ласковыми речами утешалися. Рассказала она своему батюшке родимому и своим сёстрам старшим, любезным, про своё житьё-бытьё у зверя лесного, чуда морского, всё от слова до слова, никакой крохи не скрываючи. И возвеселился честной купец её житию богатому, царскому, королевскому, и дивился, как она привыкла смотреть на своего хозяина страшного и не боится зверя лесного, чуда морского; сам он, об нём вспоминаючи, дрожкой дрожал. Сёстрам же старшим, слушая про богатства несметные меньшой сестры и про власть её царскую над своим господином, словно над рабом своим, инда завистно стало.

День проходит, как единый час, другой день проходит, как минуточка, а на третий день стали уговаривать меньшую сестру сёстры старшие, чтоб не ворочалась она к зверю лесному, чуду морскому. «Пусть-де оклеет, туда и дорога ему...» И прогневалась на сестёр старших дорогая гостья, меньшая сестра, и сказала им таковы слова:

«Если я моему господину доброму и ласковому за все его милости и любовь горячую, несказанную заплачу его смертью лютую,

то не буду я стоить того, чтобы мне на белом свете жить, и стоит меня тогда отдать диким зверям на растерзание».

И отец её, честной купец, похвалил её за такие речи хорошие, и было положено, чтобы до срока ровно за час воротилась к зверю лесному, чуду морскому, дочь хорошая, пригожая, меньшая, любимая. А сёстрам то в досаду было, и задумали они дело хитрое, дело хитрое и недоброд; взяли они да все часы в доме целым часом назад поставили, и не ведал того честной купец и вся его прислуга верная, челядь дворовая.

И когда пришёл настоящий час, стало у молодой купецкой дочери, красавицы писаной, сердце болеть и щемить, ровно стало что-нибудь подмыть её, и смотрит она то и дело на часы отцовские, аглицкие, немецкие, — а всё рано ей пускаться в дальний путь. А сёстры с ней разговаривают, о том о сём расспрашивают, задерживают. Однако сердце её не вытерпело; простилась дочь меньшая, любимая, красавица писаная, со честным купцом, батюшкой родимым, приняла от него благословение родительское, простилась с сёстрами старшими, любезными, со прислугою верною, челядью дворовою, и, не дождавшись единой минуточки до часа урочного, надела золот перстень на правый мизинец и очутилась во дворце белокаменном, во палатах высоких зверя лесного, чуда морского, и, дивуючись, что он её не встречает, закричала она громким голосом:

«Где же ты, мой добный господин, мой верный друг? Что же ты меня не встречаешь? Я воротилась раньше срока назначенного целым часом со минуточкой».

Ни ответа, ни привета не было, тишина стояла мёртвая; в зелёных садах птицы не пели песни райские, не били фонтаны воды и не шумели ключи родниковые, не играла музыка во палатах высоких. Дрогнуло сердечко у купецкой дочери, красавицы писаной, почуяла она нешто недоброе; обежала она палаты высокие и сады зелёные, звала зычным голосом своего хозяина доброго — нет нигде ни ответа, ни привета и никакого гласа послушания¹. Побежала она на пригорок муравчатель, где рос, красовался её

¹ Глас послушания — здесь: ответ.

любимый цветочек але́нький, и видит она, что лесной зверь, чудо морское, лежит на пригорке, обхватив але́нький цветочек своими лапами безобразными. И показалось ей, что заснул он, её дожидаючись, и спит теперь крепким сном.

Начала его будить потихоньку дочь купецкая, красавица писаная, — он не слышит; принялась будить по-крепче, схватила его за лапу мохнатую — и видит, что зверь лесной, чудо морское, бездыханен, мёртв лежит...

Помутелись её очи ясные, подкосились ноги резвые, пала она на колени, обняла руками белыми голову своего господина доброго, голову безобразную и противную, и завопила истошным голосом:

«Ты встань, пробудись, мой сердечный друг, я люблю тебя как жениха желанного!..»

И только таковы слова она вымолвила, как заблестели молнии со всех сторон, затряслась земля от грома великого, ударила громовая стрела каменная в пригородок муравчатель, и упала без памяти молодая дочь купецкая, красавица писаная. Много ли, мало ли времени она лежала без памяти — не ведаю; только, очнувшись, видит она себя во палате высокой, беломраморной, сидит она на золотом престоле со каменьями драгоценными, и обнимает её принц молодой, красавец писаный, на голове со короною царскою, в одежде златокованой; перед ним стоит отец с сёстрами, а кругом на коленях стоит свита великая, все одеты в парчах золотых, серебряных. И возговорит к ней молодой принц, красавец писаный, на голове со короною царскою:

«Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, в образе чудища безобразного, за мою добрую душу и любовь к тебе; полюби же меня теперь в образе человеческом, будь моей невестой желанною.

Злая волшебница прогневалась на моего родителя покойного, короля славного и могучего, украла меня, ещё малолетнего, и сатанинским колдовством своим, силой нечистою, оборотила меня в чудище страшное и наложила таковое заклятие, чтобы жить мне в таковом виде безобразном, противном и страшном для всякого человека, для всякой твари божией, пока найдётся красная девица, какого бы роду и званья ни была она, и полюбит меня

в образе страшилища и пожелает быть моей женой законною, — и тогда колдовство всё покончится, и стану я опять по-прежнему человеком молодым и пригожим. И жил я таковым страшилищем и пугалом ровно тридцать лет, и залучал я в мой дворец заколдованный одиннадцать девиц красных, а ты была двенадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и угождения, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угождения, за мою душу добрую, за любовь мою к тебе несказанную, и будешь ты за то женою короля славного, королевою в царстве могучем».

Тогда все тому подивилися, свита до земли преклонилася. Честной купец дал своё благословение дочери меньшой, любимой, и молодому принцу-королевичу. И поздравили жениха с невестою сёстры старшие, завистные, и все слуги верные, бояре великие и кавалеры ратные, и нимало не медля принялись весёлым пирком да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама там была, пиво-мёд пила, по усам текло, да в рот не попало.

Ж. Ђелешов

Жрупеничка

Так рассказывают старые люди.

У воеводы Всеслава была единственная дочь, по имени Крупеничка. Шёл год за годом, и из русой девочки с голубыми глазами обратилась Крупеничка в редкостную красавицу. Стали подумывать родители, за кого отдать её замуж. Выдавать дочку на чужую сторону они и думать не хотели и выбирали такого зятя, чтобы жить всем вместе и никогда не расставаться с Крупеничкой.

Слава о дивной красавице разносилась вокруг, и Всеслав этим очень гордился. Но старая мамушка Варварушка боялась такой славы и всегда сердилась, когда её расспрашивали о красоте Крупенички.

— Никакой красавицы у нас нету! — ворчала она. — Вон у соседей — у тех правда красавицы дочери. А у нас — девица как девица: таких везде много, как наша.

А сама налюбоваться и наглядеться не могла на свою Крупеничку. Знала, что красивей её никого нет; и красивее нет, и добрей, и милей нету. Старые и молодые, бедные и богатые, свои и чужие — все любили Крупеничку за её добре сердце.

В народе даже песенка про неё сложилась:

Крупеничка, красная девица,
Голубка ты наша, радость-сердце,
Живи, цвети, молодейся,
Будь всем добрым людям на радость!

Летела, летела слава о красоте Крупенички и доЛетела до татарского становища, до военачальника Талантая.

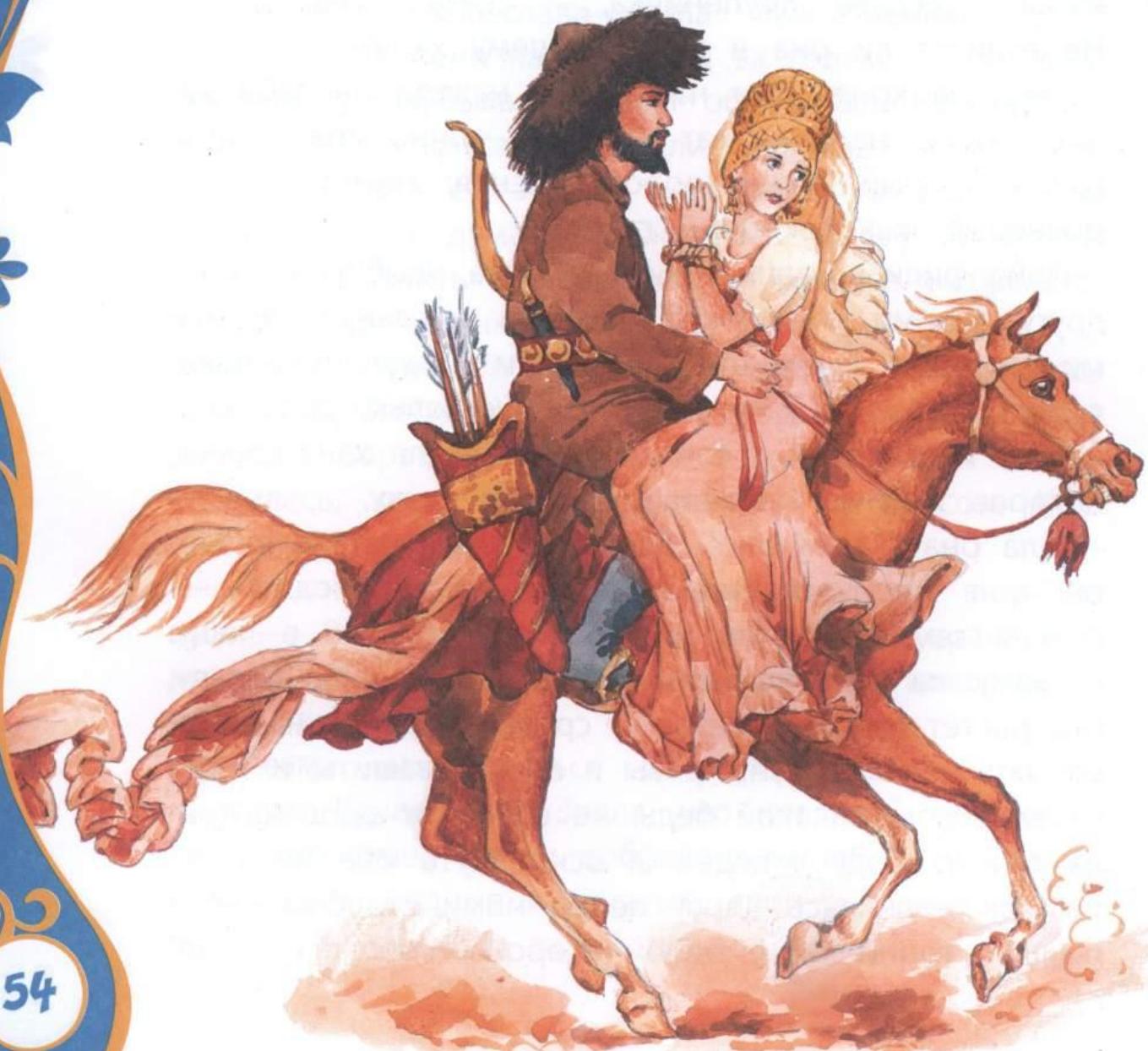
— Гой вы, храбрые воины, удалые наездники! Покажите-ка мне, что за красавица такая дочка воводы Всеслава, Крупеничка, — сказал Талантай. — Не годится ли она в жёны нашему хану?

Сели на коней три наездника, надели на себя халаты: один надел халат зелёный, точно трава; другой — серый, точно дорога лесная; третий — коричневый, как сосновый ствол.

Прищурили наездники хитрые глаза, улыбнулись друг другу одними углами губ, задорно встряхнули бритыми головами в мохнатых шапках и поехали-поскакали с молодецким покриком. А через несколько дней вернулись и привезли с собой Талантаю, для хана своего, подарок: дивную красавицу — Крупеничку.

Шла она с мамушкой Варварушкой купаться в озере, а в лесу, как нарочно, ягодка за ягодкой — спелая земляника так и заманивает глубже в чащу. А мамушка всё рассказывает ей про одолень-траву, что растёт белыми звёздами среди озера — надо собрать этой одолень-травы и в пояс зашить, и тогда с человеком никакой беды не случится: одолень-трава всякую беду отведёт. И вскрикнуть обе не успели, как поднялась вдруг перед ними столбом серая пыль с тропинки, с одной стороны сорвался с ме-

ста сосновый пень лесной и бросился им под ноги, а с другой стороны прыгнул на них зелёный куст. Подхватили они Крупеничку — и тут только увидала мамушка Варварушка, что это был за куст зелёный. Вцепилась она в него что было силы, но хитро извернулся татарин и выскользнул из своей одежды, злодей. Варварушка так и повалилась на землю с зелёным халатом в руках. А что было дальше, она не знала, не ведала, точно затмился с горя её рассудок. Сидит она целыми днями на берегу озера, глядит на простор воды да всё приговаривает:

— Одолень-трава! Одолей ты мне горы высокие, долы низкие, озёра синие, берега крутые, леса дремучие, дай ты мне, одолень-трава, увидеть мою милую Крупеничку!

Сидела она так-то над озером да горевала и плакала, как вдруг подошёл к ней прохожий старичок — низенький, тощеный, с белой бородкой, с сумочкой за плечами — и говорит Варварушке:

— Иду я в дальнюю сторону басурманскую. Не снести ль кому от тебя поклон?

Посмотрела на него Варварушка и спрашивает:

— А кто ты таков, добрый человек? Как тебя зовут?

— А зовут меня Одолень-трава.

Обрадовалась Варварушка, бросилась с плачем ста-
ричку в ноги и опять заголосила как безумная:

— Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы
на нас не думали, дурно бы нам не делали. Верни,
старичок, мне мою Крупеничку!

Выслушал её старичок и ласково ответил:

— Коли так, будь же ты мне в дороге верной спутницей, в трудах — помощницей.

Так сказал он мамушке и взмахнул рукавом над её головою. И тотчас Варварушка обратилась в дорожный посох. С ним и пошёл старичик в путь-дорогу. Где гора крута, посошок ему опорой служит, где чаща густа — он кусты раздвигает, где собаки злы — он их отгоняет.

Шёл, шёл старичик и пришёл в татарское становище, где жил Талантай и где снаряжали в ту пору караван для отсылки хану драгоценных подарков. Отсылали золото и меха, камни самоцветные и снаряжали в дальний путь красавиц-невольниц.

Среди них была и Крупеничка.

Остановился старичик у дороги, по которой должен был идти караван, развернул свой узелок и начал раскладывать, будто для продажи, разные сласти — тут у него и мёд, и пряники, и орехи. Огляделся он по сторонам — нет ли кого, поднял над головой и бросил оземь свой посох дорожный, потом взмахнул над ним рукавом — и вместо посоха поднялась с травы и стоит перед ним мамушка Варварушка.

— Ну, теперь, мамушка, не зевай, — говорит ей старичик. — Гляди во все глаза на дорогу: на неё вскоре упадёт малое зёрнышко. Как упадёт, бери его скорей, зажимай в руке и береги, покуда домой не вернёмся. Смотри не потеряй зёрнышко, коль мила тебе твоя Крупеничка.

Вот и тронулся караван из становища; проходит он по дороге мимо стариичка, а тот на лужайке сидит, разложил вокруг себя сладости и приветливо покрикивает:

— Кушайте, красавицы, соты медовые, пряники душистые, орехи калёные!

И мамушка Варварушка ему поддакивает:
— Кушайте, красавицы: веселее будете, румянее станете!

Увидели их татары — велели сейчас же сластями красавиц попотчевать. И старики понесли им своё угощение:

— Кушайте, кушайте на здоровье!

Обступили их девушки; одни посмеиваются, другие молча глядят, третьяи печалятся, отворачиваются.

— Кушайте, девицы! Кушайте, красавицы!

Ещё издали завидела Крупеничка свою мамушку Варварушку. Сердце у неё так в груди и запрыгало, а лицо побелело.

Чувствует она, что неспроста пришла сюда старуха и неспроста не признаёт её, а идёт к ней словно чужая: не здоровается, не кланяется, идёт прямо на неё, во все глаза глядит и только громким голосом твердит одно и то же:

— Кушайте, милые, кушайте!

Старичок тоже покрикивает, а сам во все стороны раздаёт кому орехов, кому мёду, кому пряников — и всем стало вдруг весело.

Подошёл старичок поближе к Крупеничке да как выбросит в воздух, в левую сторону от неё, у всех над головами целую горсть гостинцев, да ещё горсть, да ещё горсть... Кинулись девушки ловить да подбирать гостинцы, а он взмахнул рукавом над Крупеничкой в правую сторону — и Крупенички не стало. Только упало вместо неё на дорогу малое гречишное зёрнышко.

Бросилась за ним мамушка Варварушка, схватила зёрнышко в руку и зажала крепко-накрепко,

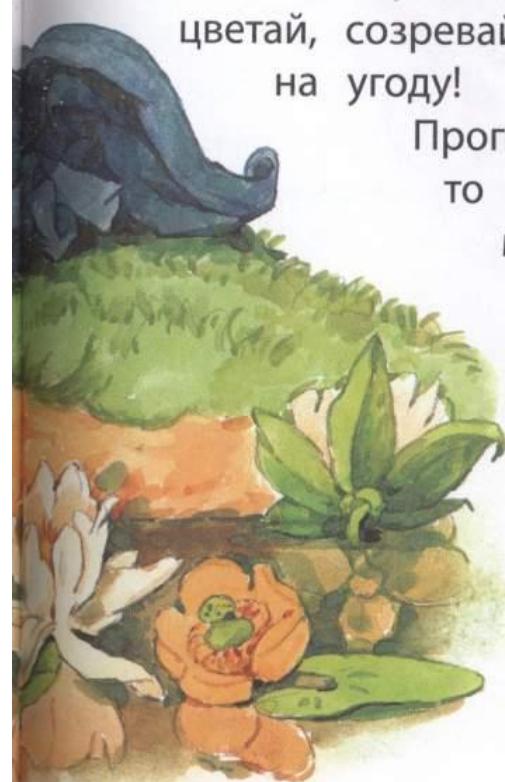

а старичок махнул и над нею рукавом — и вместо Варварушки поднял с земли дорожный посох.

— Кушайте, красавицы, кушайте на здоровье!

Раздал он поскорее все остатки, встряхнул пустым мешочком, поклонился всем на прощание и пошёл потихоньку своим путём, опираясь на посох. Татары ему ещё воловий пузырь с кумысом на дорогу дали.

Никто и не заметил сразу, что невольниц стало на одну меньше.

Долго ли, коротко ли, возвратился благополучно старичок на тот самый берег, где повстречался с мамушкой Варварушкой, где вдоль по озеру раскинулись зелёные широкие листья и белыми звёздами по воде цвела одолень-трава. Кинул он оземь свой посох дорожный — и перед ним опять стоит мамушка Варварушка: правая рука в кулачок зажата и к сердцу приложена — не оторвёшь.

Спросил её старичок:

— Укажи мне: где здесь у вас поле, никогда не паханное, где земля, никогда не сеянная?

— А вот тут, около озера, — отвечает Варварушка, — поляна никогда не пахана, земля никогда не сеяна; цветёт она, чем сама засеется.

Взял тогда старичок из рук у неё гречишное зёрнышко, бросил его на землю несеянную и сказал:

— Крупеничка, красная девица, живи, цвети, моло-дейся добрым людям на радость! А ты, гречка, вы-цветай, созревай, завивайся — будь ты всем людям на угоду!

Проговорил — и исчез старичок, как будто никогда его здесь и не было. Глядит мамушка Варварушка, протирает глаза, будто спросонья, и видит перед собой Крупеничку, красавицу свою ненаглядную, живую и здоровую.

А там, где упало малое зёрнышко, зазеленело невиданное доселе растение, и развело оно по всей стране цветистую душистую гречу, про которую и теперь, когда её сеют, поют старинную песенку:

Крупеничка, красная девица,
Кормилка ты наша, радость-сердце.
Цвети, выцветай, молодейся,
Мудрее, курчавей завивайся,
Будь всем добрым людям на угоду!

Во время посева, 13 июня, в день Гречишницы, в старину всякого странника, бывало, угожали кашей досыта.

Странники ели да похваливали и желали, чтоб посев был счастливый, чтоб гречи уродилось на полях видимо-невидимо, потому что без хлеба да без каши — ни во что труды наши!

Л. Чарская

Чудесная
звёздочка

Избаловали маленькую Эзольду (так звали принцессу) напропалую. Баловал отец, баловала мать, баловали старшие братья и сёстры, баловала угодливая свита. Чего ни пожелает принцесса — мигом исполнялось.

— Хочу иметь коня совсем белого, с чёрной звёздочкой на лбу! — заявила как-то Эзольда и топнула ножкой.

Топнула ножкой, и помчались рыцари во все стороны, и старые и молодые, и знатные и незнатные, и глупые и умные — все искать белого коня с чёрною звездою на лбу.

По всему свету искали. Наконец нашли. Нашли с большим трудом в конюшне одного азиатского хана.

Стали у хана просить продать лошадь, а он заупрямился.

— Не отдам дёшево лошадь. Конь хороший. Очень хороший конь. Давайте целую конюшню червонцев взамен.

Дали рыцари целую конюшню червонцев, взяли коня, привели к Эзольде.

А Эзольда и смотреть на коня не хочет.

— Очень нужно мне его! Я уже расхотела. Надо было раньше. А теперь кошку хочу. Кошку такую, чтобы была вся золотая и пушистая, а глаза — как бирюза...

Нечего делать: поехали двадцать рыцарей искать золотую кошку с бирюзовыми глазами.

Искали, искали — нигде не нашли. Целый год искали, и ещё год, и ещё...

Эзольда уже из девочки в девушку превратилась, а рыцари всё по свету рискают — ищут кошку для принцессы.

Наконец убедились — нет такой кошки на свете. Нечего и искать, коли нет. Потужили, погоревали и возвращаются ни с чем, с пустыми руками, с вытянутыми носами.

На самой границе государства встречает их хитрая волшебница Урсула.

Ехала Урсула верхом на волке, а зайцы над ней пёстрый балдахин несли. Увидела рыцарей, хитро прищурилась и сказала:

— Эге! Золотую кошку с бирюзовыми глазами я, Урсула, вам дам, пожалуй, только за это двадцать лет вы мне служить должны... все, кроме одного, который повезёт кошку вашей принцессе.

— Согласны, согласны! — вскричали обрадованные рыцари, и девятнадцать из них по жребию остались служить у волшебницы, а двадцатый получил из рук Урсулы золотую кошку с бирюзовыми глазами и повёз её Эзольде.

Та как вскинула глазами на кошку, так вся и затряслась от гнева.

— Долго искали. Не хочу больше кошку. Раньше хотела, а теперь другого хочу. Хочу звёздочку

с неба. Самую большую, самую красивую. Вон ту самую, которая теперь так мигает на небе.

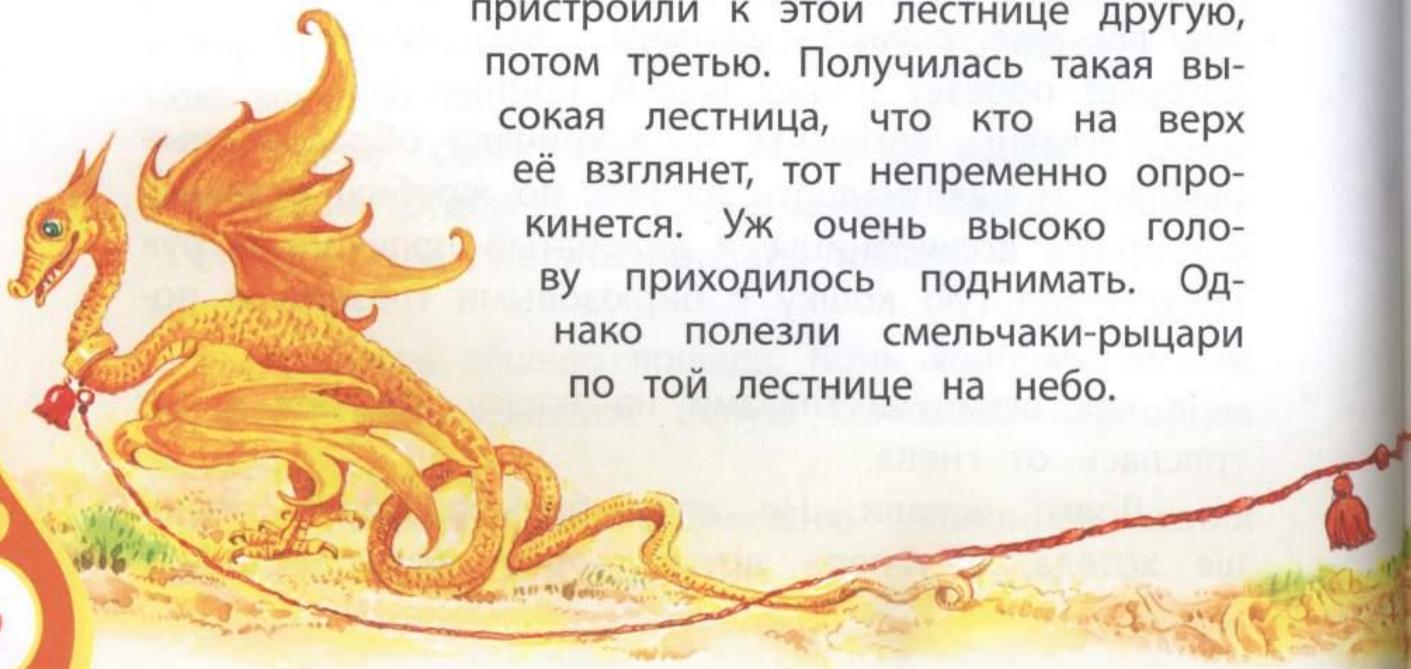
И принцесса показывает пальцем на яркую звезду.

Пожалел рыцарь о своих девятнадцати товарищах, которые ни за что ни про что должны были двадцать лет служить волшебнице Урсуле, но не сказал ни слова, а только задумался, как исполнить новое желание принцессы. Легко сказать: достать звезду с неба, а как её достанешь?

Отправился рыцарь к жившим в том городе мудрецам, спрашивает их совета. Думали, думали мудрецы и решили, что единственный способ достать звёздочку — приставить длинную-длинную лестницу, которой хватило бы до самого неба, и по этой лестнице пусть взойдут сильные рыцари, пусть ухватятся за звёздочку и снесут её на землю.

Передал рыцарь этот совет товарищам, и те в один голос заявили, что готовы помочь рыцарю в его трудном деле. Принялись рыцари строить лестницу высокую-высокую. Не едят, не пьют, всё топорами размахивают. Готова лестница. Поставили. Нет, до неба не хватает. Принялись опять за дело,

пристроили к этой лестнице другую, потом третью. Получилась такая высокая лестница, что кто на верх её взглянет, тот непременно опрокинется. Уж очень высоко голову приходилось поднимать. Однако полезли смельчаки-рыцари по той лестнице на небо.

Вот они уже у самых облаков. Прямо перед ними — яркая, блестящая звёздочка. Кажется, вот-вот можно её рукой достать. Но едва рыцари протянули к ней руки, как звёздочка ввысь уплыла.

Ещё приставили лестницу, опять полезли. И опять неудача. Уходит всё выше и выше звёздочка. А сама мигает, точно смеётся над своей погоней.

Выбились из сил рыцари. Слезли вниз и тут же у лестницы уснули от усталости. А принцесса ждёт не дождётся, когда наконец рыцари принесут ей звёздочку: то ножками от нетерпения топает, то слезами от злости заливается.

Вдруг в её горнице стало разом светло как днём, и чей-то тоненький голосок послышался за плечами.

Оглянулась принцесса и чуть не вскрикнула: та самая звёздочка, которая ей так понравилась и которую тщетно старались достать для неё рыцари, слетела с неба и стоит перед нею.

— Не плачь, Эзольда, не плачь, капризная принцесса, — говорит звёздочка с усмешкой, — слезами не поможешь. Ты требуешь невозможного.

— Нет ничего невозможного для дочери короля! — с гневом вскричала Эзольда. — Меня любят все подданные моего отца и охотно готовы жизнь свою положить, чтобы исполнить каждое моё желание. Они достали мне белого коня с чёрной звёздочкой на лбу, достали золотую кошку с бирюзовыми глазами, достанут и звёздочку с неба, да! Да! Они очень любят меня!

— А за что они тебя любят, что ты сделала для того, чтобы они тебя любили? Чем заслужила их любовь? — спросила звёздочка.

— За что меня любят? — изумилась Эзольда. — Да ведь я дочь могущественного и богатого короля, я принцесса, и меня нельзя не любить...

— Ха! Ха! Ха! — засмеялась звёздочка. — Так, значит, ты заслужила любовь только тем, что ты дочь короля?.. Но сама-то ты сделала хоть что-нибудь такое, за что тебя мог бы полюбить народ?

Эзольда задумалась. Она хотела припомнить, что она сделала доброго в жизни, и не могла ничего припомнить.

— А вот, принцесса, — произнесла спустя некоторое время звёздочка, — я покажу тебе, что люди любят не одних только королей и принцесс. Гляди туда, вперёд!

Эзольда вперила глаза в темноту сада, раскинутого около замка. И вдруг королевский сад исчез. Вместо него Эзольда увидела городскую площадь. Толпы народа заполняли её. Посреди площади шёл человек, просто одетый, с посохом в руках. За ним бежала толпа с громкими восторженными криками. Он скромно кланялся, отвечая на приветствия. На пути его попадались всё новые и новые толпы народа. Лица всех обращались к нему с благоговейною любовью. Глаза людей восторженно устремлялись на него.

— Кто этот царь, которого так горячо любит народ? — спросила звёздочку Эзольда.

— Ты ошибаешься: не царь это, а простой бедный человек, — ответила звёздочка. — Но

этот человек нашёл способ печатать книги и этим распространил свет науки среди тёмных до сих пор, неучёных людей. Он принёс огромную пользу своей стране, и народ благодарит его за это. Но смотри: я покажу тебе,

за что ещё можно любить людей, — поспешила прибавила звёздочка.

И разом исчезла городская площадь, исчезли и толпы народа и человек, которому они поклонялись, и перед изумлёнными взорами Эзольды выросла огромная зала. Посреди залы было устроено возвышение, всё засыпанное цветами. На возвышении стоял человек. Двое других людей венчали его голову лавровым венком. Люди, наполнявшие зал, громкими криками выражали свой восторг человеку в лавровом венке. Многие из них пада-

ли на колени и посыпали ему со слезами тысячи благословений.

— Это, должно быть, могущественный король. Вон какие почести воздают ему люди! — произнесла Эзольда.

— О, нет! Не король это, — отвечала звёздочка, — а врач, который нашёл средство лечить людей от самых опасных, самых серьёзных болезней. И благодарные люди, поняв всю пользу, принесённую им, горячо полюбили своего благодетеля. Но смотри, смотри, Эзольда, ещё смотри! — заключила свою речь звёздочка.

Глянула Эзольда. Где же дворец, зала с возвышением и человек в лавровом венке? Ничего нет! Всё исчезло.

Только длинная, бесконечная дорога представилась её глазам.

По дороге идёт путник. За ним бежит народ. Народ спешит забежать вперёд, чтобы заглянуть в лицо путника, чтобы сказать ему несколько горячих слов любви и благодарности. И сколько преданности, сколько признательности сияет в обращённых на него глазах людей!

— Кто это? — спросила звёздочку Эзольда, боясь, что снова ошибётся, если назовёт царём сопровождаемого толпою человека.

— Это недавний богач, теперь самый бедный нищий в стране, — пояснила звёздочка. — Он всё, что имел, роздал неимущим: все деньги и богатства, которые были у него, — всё до последнего гроша. И за это получил самое большое, самое отрадное сокровище: любовь народа...

Сказав это, звёздочка исчезла.

Исчез с нею и чудесный свет в комнате Эзольды. А сама Эзольда быстро уснула, утомлённая необычайными впечатлениями.

На другое утро рыцари, фрейлины и свита собрались у дверей принцессы, ожидая новых приказаний, новых капризов и желаний Эзольды.

Но принцесса ничего не приказывала...

* * *

— Что же дальше? Разве сказка уже окончена? — спросила я голубую фею, которая рассказала мне про принцессу Эзольду.

— Что дальше? — ответила она. — Вот что: на следующий день принцесса заявила, что она уже не желает иметь звёздочку.

Рыцари знали, как быстро менялись прихоти принцессы, и ничуть не удивились этому. Они стали терпеливо ждать нового приказания принцессы. Но прошёл день, прошёл другой, третий — Эзольда ничего не требовала, ничего не приказывала.

— Что случилось с Эзольдой? — недоумевали рыцари и свита.

В самом деле, что случилось с Эзольдой?

Д. Мамин-Сибиряк

Серая
Шейка

I

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привёл всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться к далёкий путь, и все имели такой серьёзный, озабоченный вид. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч вёрст... Сколько бедных птиц дорогой выбытятся из сил, сколько погибнут от разных случайностей, — вообще было о чём серьёзно подумать.

Серьёзная большая птица, как лебеди, гуси и утки, собиралась в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, сутились и хлопотали маленькие птички, как кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки. Они давно уже собирались стайками и переносились с одного берега на другой по отмелям и болотам с такой быстротой, точно кто бросил горсть гороху. У маленьких птичек была такая большая работа...

Лес стоял тёмный и молчаливый, потому что главные певцы улетели, не дожидаясь холода.

— И куда эта мелочь торопится! — ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить. — В своё время все улетим... Не понимаю, о чём тут беспокоиться.

— Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты, — объяснила его жена, старая Утка.

— Я был лентяем? Ты просто несправедлива ко мне, и больше ничего. Может быть, я побольше всех забочусь, а только не показываю вида. Толку от этого немного, если буду бегать с утра до ночи по берегу, кричать, мешать другим, надоедать всем.

Утка вообще была не совсем довольна своим супругом, а теперь окончательно рассердилась:

— Ты посмотри на других-то, лентяй! Вон наши соседи, гуси или лебеди, — любо на них посмотреть. Живут душа в душу... Небось лебедь или гусь не бросит своего гнезда и всегда впереди выводка. Да, да... А тебе до детей и дела нет. Только и думаешь о себе, чтобы набить зоб. Лентяй, одним словом... Смотреть-то на тебя даже противно!

— Не ворчи, старуха!.. Ведь я ничего не говорю, что у тебя такой неприятный характер. У всякого есть свои недостатки... Я не виноват, что гусь — глупая птица и поэтому нянчится со своим выводком. Вообще моё правило — не вмешиваться в чужие дела. Зачем? Пусть всякий живёт по-своему.

Селезень любил серьёзные рассуждения, причём оказывалось как-то так, что именно он, Селезень, всегда прав, всегда умён и всегда лучше всех. Утка давно к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

— Какой ты отец? — накинулась она на мужа. — Отцы заботятся о детях, а тебе — хоть трава не расти!..

— Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват...

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло ещё весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утёнка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утёнка; но одно крылышко оказалось сломанным.

— Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну, — повторяла Утка со слезами. — Все улетят, а она останется одна-одинёшенька. Да, совсем одна... Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мёрзнуть... Ведь она наша дочь, и как я её люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе...

— А другие дети?

— Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил её, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замёрзнет, — жаль, конечно, а всё-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях. Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи серьёзно. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере её материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Серую Шейку, — ведь всё равно она должна погибнуть зимой.

||

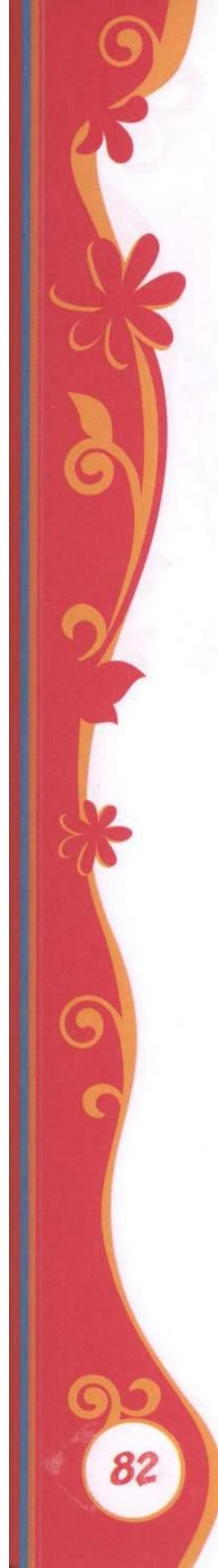
Старая Утка ввиду близившейся разлуки относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Бедняжка ещё не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что её братья и сёстры так весело собираются к отлёту, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

— Ведь вы весной вернётесь? — спрашивала Серая Шейка у матери.

— Да, да, вернёмся, моя дорогая... И опять будем жить все вместе.

Для утешения начинавшей задумываться Серой Шейки мать рассказала ей несколько случаев, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома с двумя такими парами.

— Как-нибудь, милая, пробьёшься, — успокаивала старая Утка. — Сначала поскучаешь, а потом привы-

кнешь. Если бы можно было тебя перенести на тёплый ключ, что и зимой не замерзает, — совсем было бы хорошо. Это недалеко отсюда... Впрочем, что же и говорить-то попусту, всё равно нам не перенести тебя туда!

— Я буду всё время думать о вас... — повторяла бедная Серая Шейка. — Всё буду думать: где вы, что вы делаете, весело ли вам? Всё равно и будет, точно и я с вами вместе.

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться весёлой и плакала потихоньку ото всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки... Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время... Был уже целый ряд холодных утренников, а от инея пожелтели берёзки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и сама река казалась больше, потому что берега оголели, — береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжёлыми осенними облаками, ронявшими мелкий осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелётной птицы... Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начинали замерзать. Дольше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всех огорчал перелёт журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали её с собой. У неё ещё в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся в небе журавлиную стаю.

«Как им, должно быть, хорошо», — думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлёту. Отдельные гнёзда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодёжь с весёлым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для дальнего перелёта. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости... Одна Серая Шейка не могла принимать участие в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для неё составляла всё.

— Нужно отправляться... пора! — говорили старики-вожаки. — Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело... Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода ещё была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трёхсот штук. Слышно было только кряканье главных вожаков. Старая Утка не спала всю ночь, — это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

— Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, — советовала она. — Там вода не замёрзнет целую зиму...

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая... Да, все были так заняты общим отлётом, что на неё никто не обращал внимания. У старой Утки изболелось всё сердце, глядя на бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что оста-

нется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?..

— Ну, трогай! — громко скомандовал главный воожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетавший косяк.

Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

«Неужели я совсем одна? — думала Серая Шейка, заливаясь слезами. — Лучше бы было, если бы тогда Лиса меня съела...»

III

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днём тонкий, как стекло, лёд таял.

«Неужели вся река замёрзнет?» — думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она всё думала про своих улетевших братьев и сестёр. Где-то они сейчас? Благополучно ли долетели? Вспоминают ли про неё? Времени было достаточно, чтобы подумать обо всём. Узнала она и одиночество. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы. Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

— Ах, как ты меня напугала, глупая! — проговорил Заяц, немного успокоившись. — Душа в пятки ушла... И зачем ты толчёшься здесь? Ведь все утки давно улетели...

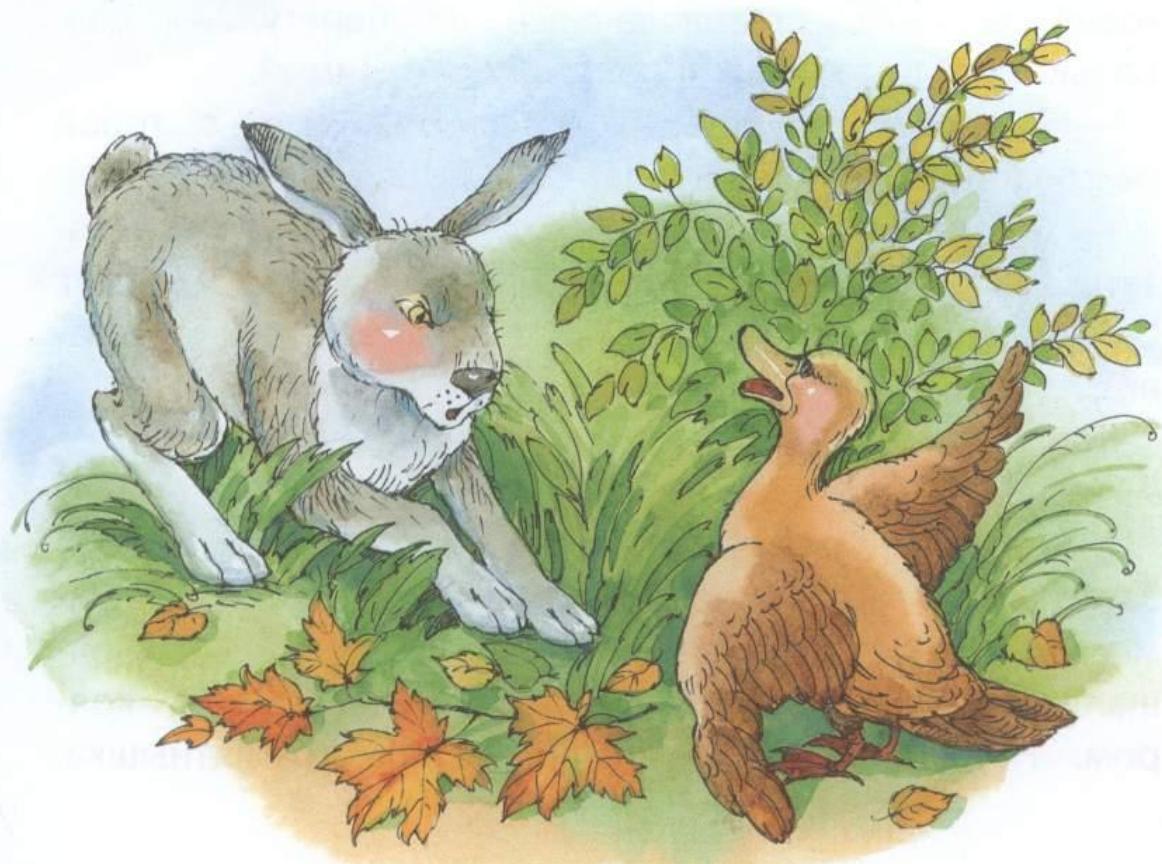
— Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я ещё была совсем маленькой...

— Уж эта мне Лиса!.. Нет хуже зверя. Она и до меня давно добирается... Ты берегись её, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцепает...

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

— Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмёшь и нырнёшь в воду, — говорил он. — А я постоянно дрожу со страха... У меня — кругом враги. Летом ещё можно спрятаться куда-нибудь, а зимой всё видно.

Скоро выпал и первый снег, а река всё ещё не поддавалась холоду. Всё, что замерзло по ночам, вода разбивала. Борьба шла не на живот, а на

смерть. Всего опаснее были ясные, звёздные ночи, когда всё затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать её льдом сонную. Так и случилось. Была тихая-тихая звёздная ночь. Тихо стоял тёмный лес на берегу, точно стража из великанов. Горы казались выше, как это бывает ночью. Высокий месяц обливал всё своим трепетным искрившимся светом. Бурлившая днём горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холд, крепко-крепко обнял горющую, непокорную красавицу и точно прикрыл её зеркальным стеклом. Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замёрзла только самая середина реки, где образовалась широкая полынь. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен. Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса, — это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

— А, старая знакомая, здравствуй! — ласково проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. — Давненько не видались... Поздравляю с зимой.

— Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, — ответила Серая Шейка.

— Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать!.. А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделяют что-нибудь, а потом на меня и свялят... Пока — до свидания!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

— Берегись, Серая Шейка: она опять придёт.

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом её чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного тёмного пятнышка.

Даже голые берёзы, ольхи, ивы и рябины убрались
инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались
ещё важнее. Они стояли засыпанные снегом, как
будто надели дорогую тёплую шубу. Да, чудно, хоро-
шо было кругом; а бедная Серая Шейка знала толь-
ко одно, что эта красота не для неё, и трепетала
при одной мысли, что её полынья вот-вот замёрзнет
и ей некуда будет деться. Лиса действительно при-
шла через несколько дней, села на берегу и опять
заговорила:

— Соскучилась я по тебе, уточка... Выходи сюда;
а не хочешь, так я сама к тебе приду. Я не спес-
сива...

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к са-
мой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но
Лиса не могла подобраться к самой воде, потому
что там лёд был ещё очень тонок. Она положила
голову на передние лапки, облизнулась и прогово-
рила:

— Какая ты глупая, уточка... Вылезай на лёд! А впро-
чем, до свидания! Я тороплюсь по своим делам...

Лиса начала приходить каждый день — проводить,
не застыла ли полынья. Наступившие морозы дела-
ли своё дело. От большой полыни оставалось всего
одно окно в сажень величиной. Лёд был крепкий,
и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шей-
ка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло
подсмеивалась над ней:

— Ничего, ныряй, а я тебя всё равно съем... Вы-
ходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и воз-
мущался всем своим заячьим сердцем:

— Ах, какая бессовестная эта Лиса... Какая несчаст-
ная эта Серая Шейка! Съест её Лиса...

IV

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынь замёрзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц всё видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логова покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а всё-таки весело.

— Братцы, берегитесь! — крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичик-охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, тёплая старухе шуба будет», — соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес как сумасшедшие.

— Ах, лукавцы! — рассердился старичик. — Вот ужо я вас... Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мёрзнуть же ей... А вы Акин-

тича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет... А старуха Акинтичу вон как наказывала: «Ты, смотри, стариk, без шубы не приходи!» А вы сигать...

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

— Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! — думал он вслух. — Ну, вот отдохну и пойду искать другую...

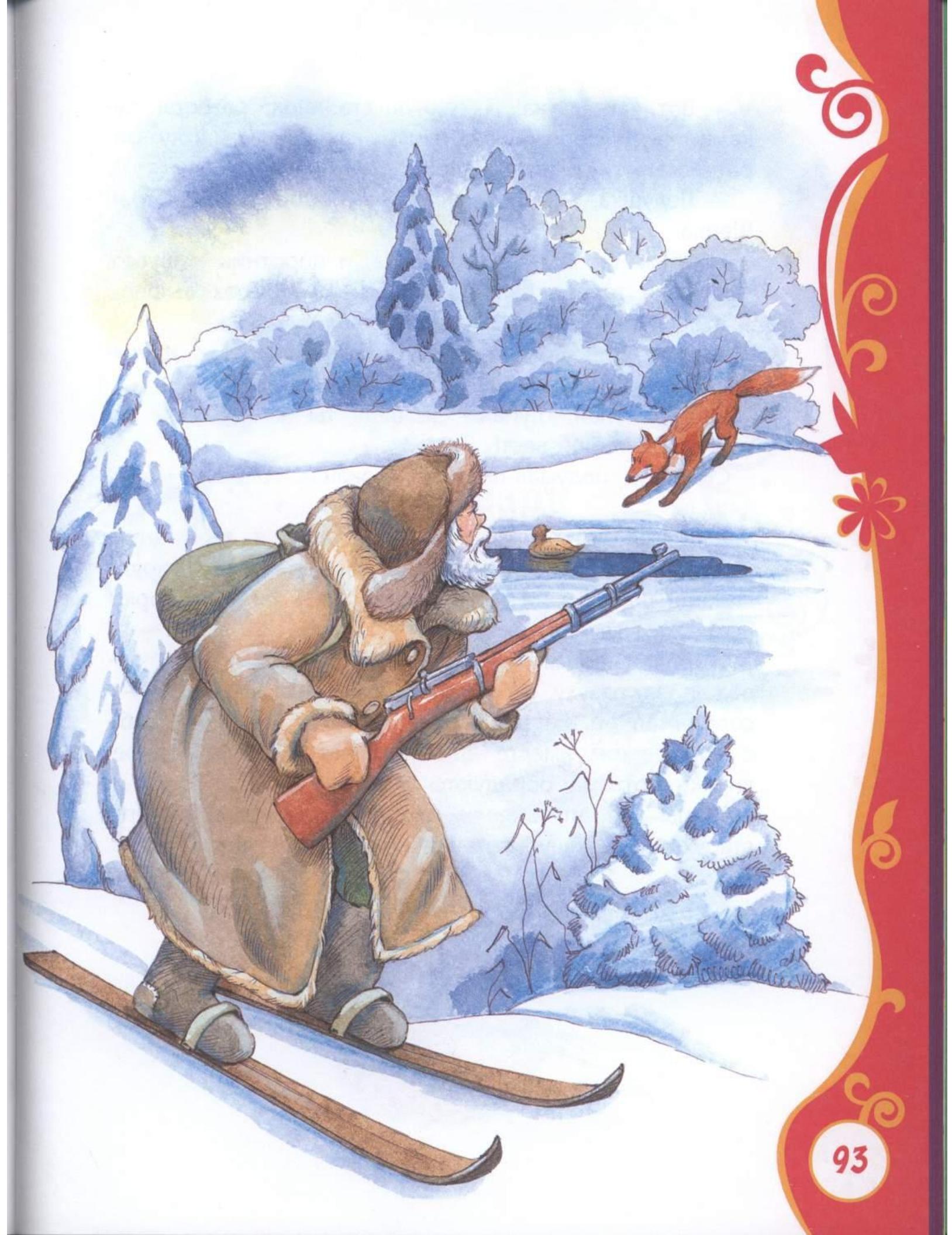
Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, Лиса по реке ползёт, — так и ползёт, точно кошка.

— Ге, ге, вот так штука! — обрадовался старичок. — К старухиной-то шубе воротник сам ползёт... Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить...

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду. Старицкие глаза видели плохо и из-за лисы не замечали утки.

«Надо так её застрелить, чтобы воротника не испортить, — соображал стариk, прицеливаясь в Лису. — А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырях окажется... Тоже своя сноровка везде надобна, а без снасти и клопа не убьёшь».

Старичок долго прицеливался, выбирая место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то метнулось на льду, — и со всех ног кинулся к полынье; по дороге он два раза упал, а когда добежал до полыни, то только развёл руками, — воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

— Вот так штука! — ахнул старишок, разводя руками. — В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась. Ну, и хитёр зверь.

— Дедушка, Лиса убежала, — объяснила Серая Шейка.

— Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе... Что же я теперь буду делать, а? Ну и грех вышел... А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

— А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено...

— Ах, глупая, глупая... Да ведь ты замёрзнешь тут или Лиса тебя съест! Да...

Старишок подумал-подумал, покачал головой и решил:

— А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам унесу. Вот-то обрадуются... А весной ты старухе яичек нанесёшь да утяток выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая...

Старишок добыл Серую Шейку из полыни и положил за пазуху. «А старухе я ничего не скажу, — соображал он, направляясь домой. — Пусть её шуба с воротником вместе ещё погуляет в лесу. Главное: внучки вот как обрадуются...»

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замёрзнет.

Е. Шварц

Два брата

Деревья разговаривать не умеют и стоят на месте как вкопанные, но всё-таки они живые. Они дышат. Они растут всю жизнь.

Даже огромные старики-деревья и те каждый год подрастают, как маленькие дети.

Стада пасут пастухи, а о лесах заботятся лесничие.

И вот в одном огромном лесу жил-был лесничий по имени Чернобородый. Он целый день бродил взад и вперёд по лесу, и каждое дерево на своём участке знал он по имени.

В лесу лесничий всегда был весел, но зато дома он часто вздыхал и хмурился. В лесу у него всё шло хорошо, а дома бедного лесничего очень огорчали его сыновья. Звали их Старший и Младший. Старшему было двенадцать лет, а Младшему — семь. Как лесничий ни уговаривал своих детей, сколько ни просил — братьяссорились каждый день, как чужие.

И вот однажды — было это двадцать восьмого декабря утром — позвал лесничий сыновей и сказал, что ёлки к Новому году он им не устроит. За ёлочными украшениями надо ехать в город. Маму

послать — её по дороге волки съедят. Самому ехать — он не умеет по магазинам ходить. А вдвоём ехать тоже нельзя. Без родителей старший брат младшего совсем погубит.

Старший был мальчик умный. Он хорошо учился, много читал и умел убедительно говорить. И вот он стал убеждать отца, что не обидит Младшего и что дома всё будет в полном порядке, пока родители не вернутся из города.

— Ты даёшь мне слово? — спросил отец.

— Даю честное слово, — ответил Старший.

— Хорошо, — сказал отец. — Три дня нас не будет дома. Мы вернёмся тридцать первого вечером, часов в восемь. До этого времени ты здесь будешь хозяином. Ты отвечаешь за дом, а главное — за брата. Ты ему будешь вместо отца. Смотри же!

И вот мама приготовила на три дня три завтрака, три обеда и три ужина и показа-

ла мальчикам, как их нужно разогревать. А отец принёс дров на три дня и дал Старшему коробку спичек. После этого запрягли лошадь в сани, бубенчики зазвенели, полозья заскрипели, и родители уехали.

Первый день прошёл хорошо. Второй — ещё лучше.

И вот наступило тридцать первое декабря. В шесть часов накормил Старший Младшего ужином и сел читать книжку «Приключения Синдбада-морехода». И дошёл он до самого интересного места, когда появляется над кораблём птица Рок, огромная, как туча, и несёт она в когтях камень величиною с дом.

Старшему хочется узнать, что будет дальше, а Младший слоняется вокруг, скучает, томится.

И стал Младший просить брата:
— Поиграй со мной, пожалуйста.

Их ссоры всегда так начинались. Младший скучал без Старшего, а тот гнал брата безо всякой жалости и кричал: «Оставь меня в покое!»

И на этот раз кончилось дело худо. Старший терпел-терпел, потом схватил Младшего за шиворот, крикнул: «Оставь меня в покое!» — вытолкал его во двор и запер дверь.

А ведь зимой темнеет рано, и на дворе уже было темно, как ночью. Младший забарабанил в дверь кулаками и закричал:

— Что ты делаешь! Ведь ты мне вместо отца!

У Старшего сжалось на миг сердце, он сделал шаг к двери, но потом подумал: «Ладно, ладно. Я только прочту пять строчек и пущу его обратно. За это время ничего с ним не случится».

И он сел в кресло и стал читать и зачитался, а когда опомнился, то часы показывали уже без четверти восемь. Старший вскочил и закричал:

— Что же это! Что я наделал! Младший там на морозе, один, неодетый!

И он бросился во двор.

Стояла тёмная-тёмная ночь, и тихо-тихо было вокруг.

Старший во весь голос позвал Младшего, но никто ему не ответил.

Тогда Старший зажёг фонарь и с фонарём обыскал все закоулки во дворе.

Брат пропал бесследно.

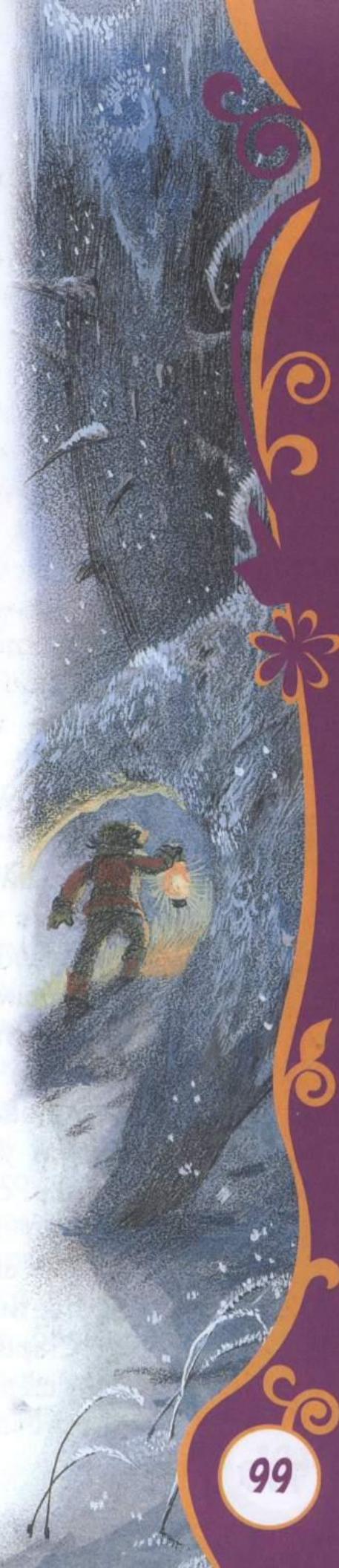
Свежий снег запорошил землю, и на снегу не было следов Младшего. Он исчез неведомо куда, как будто его унесла птица Рок.

Старший горько заплакал и громко попросил у Младшего прощения.

Но и это не помогло. Младший брат не отзывался.

Часы в доме пробили восемь раз, и в ту же минуту далеко-далеко в лесу зазвенели бубенчики.

«Наши возвращаются, — подумал с тоскою Старший. — Ах, если бы всё пере-

двинулось на два часа назад! Я не выгнал бы младшего брата во двор. И теперь мы стояли бы рядом и радовались».

А бубенчики звенели всё ближе и ближе; вот стало слышно, как фыркает лошадь, вот заскрипели полозья, и сани въехали во двор. И отец выскоцил из саней. Его чёрная борода на морозе покрылась инеем и теперь была совсем белая.

Вслед за отцом из саней вышла мать с большой корзинкой в руке. И отец и мать были веселы: они не знали, что дома случилось такое несчастье.

— Зачем ты выбежал во двор без пальто? — спросила мать.

— А где Младший? — спросил отец.

Старший не ответил ни слова.

— Где твой младший брат? — спросил отец ещё раз.

И Старший заплакал. И отец взял его за руку и повёл в дом. И мать молча пошла за ними. И Старший всё рассказал родителям.

Кончив рассказ, мальчик взглянул на отца. В комнате было тепло, а иней на бороде отца не растаял. И Старший вскрикнул. Он вдруг понял, что теперь борода отца бела не от инея. Отец так огорчился, что даже поседел.

— Одевайся, — сказал отец очень тихо. — Одевайся и уходи. И не смей возвращаться, пока не разыщешь своего младшего брата.

— Что же, мы теперь совсем без детей останемся? — спросила мать, плача, но отец ей ничего не ответил.

И Старший оделся, взял фонарь и вышел из дома. Он шёл и звал брата, шёл и звал, но никто ему не отвечал. Знакомый лес стеной стоял вокруг, но

Старшему казалось, что он теперь один на свете. Деревья, конечно, живые существа, но разговаривать они не умеют и стоят на месте как вкопанные. А кроме того, зимою они спят крепким сном. И мальчику не с кем было поговорить. Он шёл по тем местам, где часто бегал с младшим братом. И трудно было ему теперь понять, почему это они всю жизнь ссорились, как чужие. Он вспомнил, какой Младший был худенький, и как на затылке у него прядь волос всегда стояла дыбом, и как он смеялся, когда Старший изредка шутил с ним, и как радовался и старался, когда Старший принимал его в свою игру. И Старший так жалел брата, что не замечал ни холода, ни темноты, ни тишины. Только изредка ему становилось очень жутко, и он оглядывался по сторонам, как заяц. Старший, правда, был уже большой мальчик, двенадцати лет, но рядом с огромными деревьями в лесу он казался совсем маленьким.

Вот кончился участок отца и начался участок соседнего лесничего, который приезжал в гости каждое воскресенье играть с отцом в шахматы. Кончился и его участок, и мальчик зашагал по участку лесничего, который бывал у них в гостях только раз в месяц. А потом пошли участки лесничих, которых мальчик видел только раз в три месяца, раз в полгода, раз в год. Свеча в фонаре давно погасла, а Старший шагал, шагал, шагал всё быстрее и быстрее.

Вот уже кончились участки таких лесничих, о которых Старший только слышал, но не встречал ни разу в жизни. А потом дорожка пошла всё вверх и вверх, и, когда рассвело, мальчик увидел: кругом, куда ни глянешь, всё горы и горы, покрытые густыми лесами.

Старший остановился.

Он знал, что от их дома до гор семь недель езды. Как же он добрался сюда за одну только ночь?

И вдруг мальчик услышал где-то далеко-далеко лёгкий звон. Сначала ему показалось, что это звенит у него в ушах. Потом он задрожал от радости: не бубенчики ли это? Может быть, младший брат нашёлся и отец гонится за Старшим в санях, чтобы отвезти его домой?

Но звон не приближался, и никогда бубенчики не звенели так тоненько и так ровно.

— Пойду и узнаю, что там за звон, — сказал Старший.

Он шёл час, и два, и три. Звон становился всё громче и громче. И вот мальчик очутился среди удивительных деревьев, — высокие сосны росли вокруг, но они были прозрачные, как стёкла. Верхушки сосен сверкали на солнце так, что больно было смотреть. Сосны раскачивались на ветру, ветки били о ветки и звенели, звенели, звенели.

Мальчик пошёл дальше и увидел прозрачные ёлки, прозрачные берёзы, прозрачные клёны. Огромный прозрачный дуб стоял среди поляны и звенел басом, как шмель. Мальчик поскользнулся и посмотрел под ноги. Что это? И земля в этом лесу прозрачна! А в земле темнеют и переплетаются, как змеи, и уходят в глубину прозрачные корни деревьев.

Мальчик подошёл к берёзе и отломил веточку. И пока он её разглядывал, веточка растаяла, как ледяная сосулька.

И Старший понял: лес, промёрзший насквозь, превратившийся в лёд, стоит вокруг. И растёт этот лес на ледяной земле, и корни деревьев тоже ледяные.

— Здесь такой страшный мороз, почему же мне не холодно? — спросил Старший.

— Я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, — ответил кто-то тоненьким звонким голосом.

Мальчик оглянулся.

Позади стоял высокий старик в шубе, шапке и валенках из чистого снега. Борода и усы старика были ледяные и позванивали тихонько, когда он говорил. Старик смотрел на мальчика не мигая. Не доброе и не злое лицо его было до того спокойно, что у мальчика сжалось сердце.

А старик, помолчав, повторил отчётливо, гладко, как будто он читал по книжке или диктовал:

— Я. Распорядился. Чтобы холод. Не причинил. Тебе. До поры до времени. Ни малейшего вреда. Ты знаешь, кто я?

— Вы как будто Дедушка Мороз? — спросил мальчик.

— Отнюдь нет! — ответил старик холодно. — Дедушка Мороз — мой сын. Я проклял его: этот

здравяк слишком добродушен. Я — Прадедушка Мороз, а это совсем другое дело, мой юный друг. Следуй за мной.

И стариk пошёл вперёд, неслышно ступая по льду своими мягкими белоснежными валенками.

Вскоре они остановились у высокого крутого холма. Прадедушка Мороз порылся в снегу, из которого была сделана его шуба, и вытащил огромный ледяной ключ. Щёлкнул замок, и тяжёлые ледяные ворота открылись в холме.

— Следуй за мной, — повторил стариk.

— Но ведь мне нужно искать брата! — воскликнул мальчик.

— Твой брат здесь, — сказал Прадедушка Мороз спокойно. — Следуй за мной.

И они вошли в холм, и ворота со звоном захлопнулись, и Старший оказался в огромном пустом ледяном зале. Сквозь открытые настежь высокие двери виден был следующий зал, а за ним ещё и ещё.

Казалось, что нет конца этим просторным, пустынным комнатам. На стенах светились круглые ледяные фонари. Над дверью в соседний зал на ледяной табличке была вырезана цифра «2».

— В моём дворце сорок девять таких залов. Следуй за мной! — приказал Прадедушка Мороз.

Ледяной пол был такой скользкий, что мальчик упал два раза, но стариk даже не обернулся. Он мерно шагал вперёд и остановился только в двадцать пятом зале ледяного дворца.

Посреди этого зала стояла высокая белая печь. Мальчик обрадовался. Ему так хотелось погреться.

Но в печке этой ледяные поленья горели чёрным пламенем. Чёрные отблески прыгали по полу. Из печной дверцы тянуло леденящим холодом.

И Прадедушка Мороз опустился на ледяную скамейку у ледяной печки и протянул свои ледяные пальцы к ледяному пламени.

— Садись рядом, помёрзнем, — предложил он мальчику.

Мальчик ничего не ответил.

А стариk уселся поудобнее и мёрз, мёрз, мёрз, пока ледяные поленья не превратились в ледяные угольки.

Тогда Прадедушка Мороз заново набил печь ледяными дровами и разжёг их ледяными спичками.

— Ну, а теперь я некоторое время посвящу беседе с тобою, — сказал он мальчику. — Ты. Должен. Слушать. Меня. Внимательно. Понял?

Мальчик кивнул головой.

И Прадедушка Мороз продолжал отчётливо и гладко:

— Ты. Выгнал. Младшего брата. На мороз. Сказав. Чтобы он. Оставил. Тебя. В покое. Мне нравится этот поступок. Ты любишь покой так же, как я. Ты останешься здесь навеки. Понял?

— Но ведь нас дома ждут! — воскликнул Старший жалобно.

— Ты. Останешься. Здесь. Навеки, — повторил Прадедушка Мороз.

Он подошёл к печке, потряс полами своей снежной шубы, и мальчик вскрикнул горестно. Из снега

на ледяной пол посыпались птицы. Синицы, поползни, дятлы, маленькие лесные зверюшки, взъерошенные и окоченевшие, горкой легли на полу.

— Эти суетливые существа даже зимой не оставляют лес в покое, — сказал старик.

— Они мёртвые? — спросил мальчик.

— Я успокоил их, но не совсем, — ответил Прадедушка Мороз. — Их следует вертеть перед печкой, пока они не станут совсем прозрачными и ледяными. Займись. Немедленно. Этим. Полезным. Делом.

— Я убегу! — крикнул мальчик.

— Ты никогда не убежишь! — ответил Прадедушка Мороз твёрдо. — Брат твой заперт в сорок девятом зале. Пока что он удержит тебя здесь. А впоследствии ты привыкнешь ко мне. Принимайся за работу.

И мальчик уселся перед открытой дверцей печки. Он поднял с полу дятла, и руки у него задрожали.

Ему казалось, что птица ещё дышит. Но старик, не мигая, смотрел на мальчика, и мальчик угрюмо протянул дятла к ледяному пламени.

И перья несчастной птицы сначала побелели, как снег. Потом вся она стала твёрдой, как камень. А когда она сделалась прозрачной, как стекло, старик сказал:

— Готово! Принимайся за следующую.

До поздней ночи работал мальчик, а Прадедушка Мороз неподвижно стоял возле. Потом он осторожно уложил ледяных птиц в мешок и спросил мальчика:

— Руки у тебя не замёрзли?

— Нет, — ответил он.

— Это я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, — сказал старик. — Но помни! Если. Ты. Ослушаешься. Меня. То я. Тебя. Заморожу. Сиди здесь и жди. Я скоро вернусь.

И Прадедушка Мороз, взяв мешок, ушёл в глубину дворца, и мальчик остался один.

Где-то далеко-далеко захлопнулась со звоном дверь, и эхо перекатилось по всем залам.

И Прадедушка Мороз вернулся с пустым мешком.

— Пришло время удалиться ко сну, — сказал Прадедушка Мороз. И он указал мальчику на ледяную кровать, которая стояла в углу. Сам он занял такую же кровать в противоположном конце зала.

Прошло две-три минуты, и мальчику показалось, что кто-то заводит карманные часы. Но он понял вскоре, что это тихонько храпит во сне Прадедушка Мороз.

Утром стариk разбудил его.

— Отправляйся в кладовую, — сказал он. — Двери в неё находятся в левом углу зала. Принеси завтрак номер один. Он стоит на полке номер девять.

И мальчик пошёл в кладовую. Она была большая, как зал. Замороженная еда стояла на полках. И Старший принёс на ледяном блюде завтрак номер один.

И котлеты, и чай, и хлеб — всё было ледяное, и всё это надо было грызть или сосать, как леденцы.

— Я удаюсь на промысел, — сказал Прадедушка Мороз, окончив завтрак. — Можешь бродить по всем комнатам и даже выходить из дворца. До свиданья, мой юный ученик.

И Прадедушка Мороз удалился, неслышно ступая своими белоснежными валенками, а мальчик бросился в сорок девятый зал. Он бежал, и падал, и звал брата во весь голос, но только эхо отвечало ему. И вот он добрался наконец до сорок девятого зала и остановился как вкопанный.

Все двери были открыты настежь, кроме одной, последней, над которой стояла цифра «49».

Последний зал был заперт наглухо.

— Младший! — крикнул старший брат. — Я пришёл за тобой. Ты здесь?

«Ты здесь?» — повторило эхо.

Дверь была вырезана из цельного промёрзшего ледяного дуба. Мальчик уцепился ногтями за ледяную дубовую кору, но пальцы его скользили и срывались. Тогда он стал колотить в дверь кулаками, плечом, ногами, пока совсем не выбился из сил. И хоть бы ледяная щепочка откололась от ледяного дуба.

И мальчик тихо вернулся обратно, и почти тотчас же в зал вошёл Прадедушка Мороз.

И после ледяного обеда до поздней ночи мальчик вертел перед ледяным огнём несчастных замёрзших птиц, белок и зайцев.

Так и пошли дни за днями. И все эти дни Старший думал, и думал, и думал только об одном: чем бы разбить ему ледяную дубовую дверь. Он обыскал всю кладовую. Он ворочал мешки с замороженной капустой, с замороженным зерном, с замороженными орехами, надеясь найти топор. И он нашёл его наконец, но и топор отскакивал от ледяного дуба, как от камня.

И Старший думал, думал и наяву, и во сне всё об одном, всё об одном.

А стариk хвалил мальчика за спокойствие. Стоя у печки неподвижно, как столб, глядя, как превращаются в лёд птицы, зайцы, белки, Прадедушка Мороз говорил:

— Нет, я не ошибся в тебе, мой юный друг. «Оставь меня в покое!» — какие великие слова. С помощью этих слов люди постоянно губят своих братьев. «Оставь меня в покое!» Эти. Великие. Слова. Установят. Когда-нибудь. Вечный. Покой. На земле.

И отец, и мать, и бедный младший брат, и все знакомые лесничие говорили просто, а Прадедушка Мороз как будто читал по книжке, и разговор его наводил такую же тоску, как огромные пронумерованные залы.

Старик любил вспоминать о древних-древних временах, когда ледники покрывали почти всю землю.

— Ах, как тихо, как прекрасно было тогда жить на белом холодном свете! — рассказывал он, и его ледяные усы и борода звенели тихонько. — Я был тогда молод и полон сил. Куда исчезли мои дорогие друзья — спокойные, солидные, гигантские мамонты! Как я любил беседовать с ними! Правда, язык мамонтов был труден. У этих огромных животных и слова были огромные, необычайно длинные. Чтобы произнести одно только слово на языке мамонтов, нужно было потратить двое, а иногда и трое суток. Но. Нам. Некуда. Было. Спешить.

И вот однажды, слушая рассказы Прадедушки Мороза, мальчик вскочил и запрыгал на месте, как бешеный.

— Что значит твоё нелепое поведение? — спросил старик сухо.

Мальчик не ответил ни слова, но сердце его так и стучало от радости.

Когда думаешь всё об одном и об одном, то неминуемо в конце концов придумаешь, что делать.

Спички!

Мальчик вспомнил, что у него в кармане лежат те самые спички, которые ему дал отец, уезжая в город.

И на другое же утро, едва Прадедушка Мороз отправился на промысел, мальчик взял из кладовой топор и верёвку и выбежал из дворца.

Старик пошёл налево, а мальчик побежал направо, к живому лесу, который темнел за прозрачными

стволами ледяных деревьев. На самой опушке живого леса лежала в снегу огромная сосна. И топор застучал, и мальчик вернулся во дворец с большой вязанкой дров.

У ледяной дубовой двери в сорок девятый зал мальчик разложил высокий костёр. Вспыхнула спичка, затрещали щепки, загорелись дрова, запрыгало настоящее пламя, и мальчик засмеялся от радости. Он уселся у огня и грелся, грелся, грелся.

Дубовая дверь сначала только блестела и сверкала так, что больно было смотреть, но вот наконец вся она покрылась мелкими ледяными капельками. И когда костёр погас, мальчик увидел: дверь чуть-чуть подтаяла.

— Ага! — сказал он и ударил по двери топором.

Но ледяной дуб по-прежнему был твёрд как камень.

— Ладно! — сказал мальчик. — Завтра начнём сначала.

Вечером, сидя у ледяной печки, мальчик взял и осторожно припрятал в рукав маленькую синичку. Прадедушка Мороз ничего не заметил. И на другой день, когда костёр разгорелся, мальчик протянул птицу к огню.

Он ждал, ждал, и вдруг клюв у птицы дрогнул, и глаза открылись, и она посмотрела на мальчика.

— Здравствуй! — сказал ей мальчик, чуть не плача от радости. — Погоди, Прадедушка Мороз! Мы ещё поживём!

И каждый день теперь отогревал мальчик птиц, белок и зайцев. Он устроил своим новым друзьям сугробовые домики в уголках зала, где было потемнее. Домики эти он устлал мхом, который набрал в живом лесу. Конечно, по ночам было холодно, зато по-

том, у костра, и птицы, и белки, и зайцы запасались теплом до завтрашнего утра.

Мешки с капустой, зерном и орехами теперь пошли в дело. Мальчик кормил своих друзей до отвала. А потом он играл с ними у огня или рассказывал о своём брате, который спрятан там, за дверью. И ему казалось, что и птицы, и белки, и зайцы понимают его.

И вот однажды мальчик, как всегда, принёс вязанку дров, развёл костёр и уселся у огня. Но никто из его друзей не вышел из своих снежевых домиков.

Мальчик хотел спросить: «Где же вы?» — но тяжёлая ледяная рука с силой оттолкнула его от огня.

Это Прадедушка Мороз подкрался к нему, неслышно ступая своими белоснежными валенками. Он дунул на костёр, и поленья стали прозрачными, а пламя чёрным. И когда ледяные дрова догорели, дубовая дверь стала такою, как много дней назад.

— Ещё. Раз. Попадёшься. Заморожу! — сказал Прадедушка Мороз холодно. И он поднял с пола топор и запрятал его глубоко в снегу своей шубы.

Целый день плакал мальчик. И ночью с горя заснул как убитый. И вдруг он услышал сквозь сон: кто-то осторожно мягкими лапками барабанит по его щеке.

Мальчик открыл глаза.

Заяц стоял возле.

И все его друзья собрались вокруг ледяной постели. Утром они не вышли из своих домиков, потому что почуяли опасность. Но теперь, когда Прадедушка Мороз уснул, они пришли на выручку к своему другу.

Когда мальчик проснулся, семь белок бросились к ледяной постели старика. Они нырнули в снег шубы Прадедушки Мороза и долго рылись там.

И вдруг что-то зазвенело тихонечко.

— Оставьте меня в покое, — пробормотал во сне старик.

И белки спрыгнули на пол и побежали к мальчику.

И он увидел: они принесли в зубах большую связку ледяных ключей.

И мальчик всё понял. С ключами в руках он бросился к сорок девятому залу. Друзья его летели, прыгали, бежали следом.

Вот и дубовая дверь.

Мальчик нашёл ключ с цифрой «49». Но где замочная скважина? Он искал, искал, искал, но напрасно.

Тогда поползень подлетел к двери. Цепляясь лапками за дубовую кору, поползень принялся ползать по двери вниз головою. И вот он нашёл что-то. И чи-

рикнул негромко. И семь дятлов слетелись к тому месту двери, на которое указал поползень.

И дятлы терпеливо застучали своими твёрдыми клювами по льду. Они стучали, стучали, стучали, и вдруг четырёхугольная ледяная дощечка сорвалась с двери, упала на пол и разбилась.

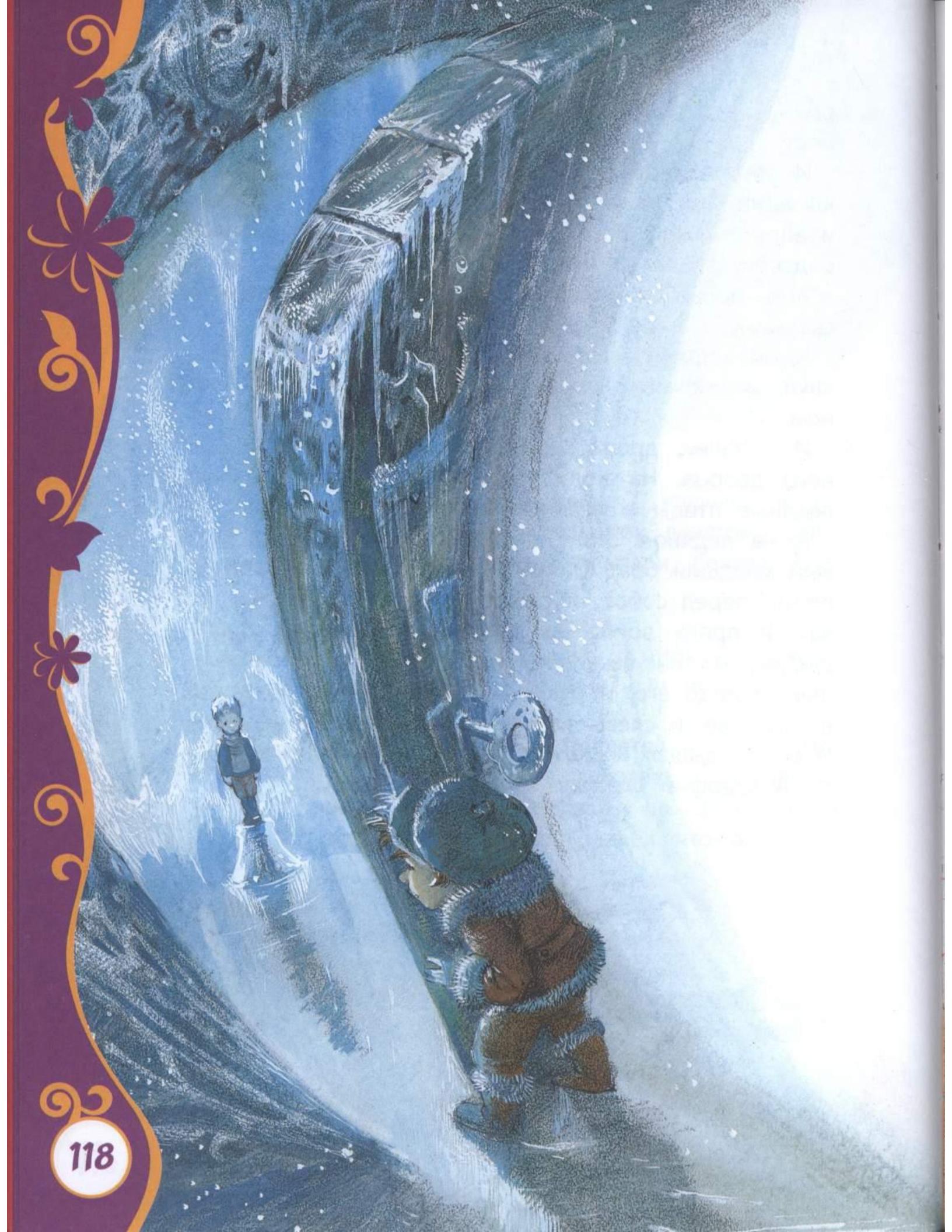
А за дощечкой мальчик увидел большую замочную скважину.

И он вставил ключ и повернул его, и замок щёлкнул, и упрямая дверь открылась наконец со звоном.

И мальчик, дрожа, вошёл в последний зал ледяного дворца. На полу грудами лежали прозрачные ледяные птицы и ледяные звери.

А на ледяном столе посреди комнаты стоял бедный младший брат. Он был очень грустный и глядел прямо перед собой, и слёзы блестели у него на щеках, и прядь волос на затылке, как всегда, стояла дыбом. Но он был весь прозрачный, как стеклянный, и лицо его, и руки, и курточка, и прядь волос на затылке, и слёзы на щеках — всё было ледяное. И он не дышал и молчал, ни слова не отвечая брату. А Старший шептал:

— Бежим, прошу тебя, бежим! Мама ждёт! Скорее бежим домой!

Не дождавшись ответа, Старший схватил своего ледяного брата на руки и побежал осторожно по ледяным залам к выходу из дворца, а друзья его летели, прыгали, мчались следом.

Прадедушка Мороз по-прежнему крепко спал. И они благополучно выбрались из дворца.

Солнце только что встало. Ледяные деревья сверкали так, что было больно смотреть.

Старший побежал к живому лесу осторожно, боясь споткнуться и уронить Младшего. И вдруг громкий крик раздался позади.

Прадедушка Мороз кричал тонким голосом так громко, что дрожали ледяные деревья:

— Мальчик! Мальчик! Мальчик!

Сразу стало страшно холодно. Старший почувствовал, что у него холодают ноги, леденеют и отнимаются руки. А Младший печально глядел прямо перед собой, и застывшие слёзы его блестели на солнце.

— Остановись! — приказал стариk.

Старший остановился.

И вдруг все птицы прижались к мальчику близко-близко, как будто покрыли его живой тёплой шубой. И Старший ожил и побежал вперёд, осторожно глядя под ноги, изо всех сил оберегая младшего брата.

Стариk приближался, а мальчик не смел бежать быстрее: ледяная земля была такая скользкая. И вот когда он уже думал, что погиб, зайцы вдруг бросились кубарем под ноги злому старику. И Прадедушка Мороз упал, а когда поднялся, то зайцы ещё раз свалили его на землю. Они делали это, дрожа от страха, но надо же было спасти лучшего своего друга. И когда Прадедушка Мороз поднялся в по-

следний раз, то мальчик, крепко держа в руках своего брата, уже был далеко внизу, в живом лесу. И Прадедушка Мороз заплакал от злости.

И когда он заплакал, сразу стало теплее.

И Старший увидел, что снег быстро тает вокруг и ручьи бегут по оврагам. А внизу, у подножия гор, почки набухли на деревьях.

— Смотри — подснежник! — крикнул Старший радостно.

Но Младший не ответил ни слова. Он по-прежнему был неподвижен, как кукла, и печально глядел прямо перед собой.

— Ничего. Отец всё умеет делать! — сказал Старший Младшему. — Он оживит тебя. Наверное, оживит!

И мальчик побежал со всех ног, крепко держа в руках брата. До гор Старший добрался так быстро с горя, а теперь он мчался, как вихрь, от радости. Ведь всё-таки брата он нашёл.

Вот кончились участки лесничих, о которых мальчик только слышал, и замелькали участки знакомых, которых мальчик видел раз в год, раз в полгода, раз в три месяца. И чем ближе было к дому, тем теплее становилось вокруг. Друзья-зайцы кувыркались от радости, друзья-белки прыгали с ветки на ветку, друзья-птицы свистели и пели. Деревья разговаривать не умеют, но и они шумели радостно: ведь листва распустилась, весна пришла.

И вдруг старший брат поскользнулся.

На дне ямки, под старым клёном, куда не заглядывало солнце, лежал подтаявший тёмный снег.

И Старший упал.

И бедный Младший ударился о корень дерева.

И с жалобным звоном он разбрёлся на мелкие кусочки.

Сразу тихо-тихо стало в лесу.
И из снега вдруг негромко раздался знакомый то-
ненький голос:

— Конечно! От меня. Так. Легко. Не уйдёшь!
И Старший упал на землю и заплакал так горько,
как не плакал ещё ни разу в жизни. Нет,
ему нечём было утешиться, не на чём
было успокоиться.

Он плакал и плакал, пока не уснул
с горя как убитый.

А птицы собрали Младшего по
кусочкам, и белки сложили кусо-
чек за кусочком своими цепкими

лапками и склеили берёзовым клеем. И потом все они тесно окружили Младшего как бы живой тёплой шубкой. А когда взошло солнце, то все они отлетели прочь. Младший лежал на весеннем солнышке, и оно осторожно, тихонечко согревало его. И вот слёзы на лице у Младшего высохли. И глаза спокойно закрылись. И руки стали тёплыми. И курточка стала полосатой. И башмаки стали чёрными. И прядь волос у него на затылке стала мягкой. И мальчик вздохнул раз и другой и стал дышать ровно и спокойно, как всегда дышал во сне.

И когда Старший проснулся, брат его, целый и невредимый, спал на холмике. Старший стоял и хлопал глазами, ничего не понимая, а птицы свистели, лес шумел, и громко журчали ручьи в канавах.

Но вот Старший опомнился, бросился к Младшему и схватил его за руку.

А тот открыл глаза и спросил как ни в чём не бывало:

— А, это ты? Который час?

И Старший обнял его и помог ему встать, и оба брата помчались домой.

Мать и отец сидели рядом у открытого окна и молчали. И лицо у отца было такое же строгое и суровое, как в тот вечер, когда он приказал Старшему идти на поиски брата.

— Как птицы громко кричат сегодня, — сказала мать.

— Обрадовались теплу, — ответил отец.

— Белки прыгают с ветки на ветку, — сказала мать.

— И они тоже рады весне, — ответил отец.

— Слышишь?! — вдруг крикнула мать.

— Нет, — ответил отец. — А что случилось?

— Кто-то бежит сюда!

— Нет! — повторил отец печально. — Мне тоже всю зиму чудилось, что снег скрипит под окнами. Никто к нам не прибежит.

Но мать была уже во дворе и звала:

— Дети, дети!

И отец вышел за нею. И оба они увидели: по лесу бегут Старший и Младший, взявшись за руки.

Родители бросились им навстречу.

И когда все успокоились немного и вошли в дом, Старший взглянул на отца и ахнул от удивления.

Седая борода отца темнела на глазах, и вот она стала совсем чёрной, как прежде. И отец помолодел от этого лет на десять.

С горя люди седеют, а от радости седина исчезает, тает, как иней на солнце. Это, правда, бывает очень-очень редко, но всё-таки бывает.

И с тех пор они жили счастливо.

Правда, Старший говорил изредка брату:

— Оставь меня в покое. — Но сейчас же добавлял: — Ненадолго оставь, минут на десять, пожалуйста. Очень прошу тебя.

И Младший всегда слушался, потому что братья жили теперь дружно.

Содержание

С. Аксаков

Ленский цветочек 4

Н. Телешов

Жрупеничка 52

Л. Чарская

Чудесная звёздочка 64

Д. Мамин-Сибиряк

Серая Шейка 78

Е. Шварц

Два брата 96

«Все лучшие сказки» —
это самая полная коллекция
детского чтения.

В серию вошли как самые известные и любимые,
так и редкие, но не менее интересные сказки.

Созданные великими писателями
или народной фантазией, они переносят маленьких
читателей в волшебный мир, где живут принцы
и принцессы, гномы и великаны,
феи и колдуны, в мир, где всегда
побеждает добро,
а зло бывает наказано!

Книги этой замечательной
серии, несомненно,
понравятся
вашему ребёнку!

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
Серия «Все лучшие сказки»

СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Художники: Е. Комракова, Е. Володькина, Е. Борисова

Дизайн обложки Т. А. Абрамовских

Ответственный редактор Т. А. Никольская
Художественный редактор О. В. Куликова
Технический редактор Е. С. Гусева
Корректор Л. А. Лазарева
Верстка С. А. Птицыной

Подписано в печать 10.03.14. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Тираж 20 000 экз. ID 23683. Заказ № 7575.

ЗАО «РОСМЭН».
Почтовый адрес: 127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2. Тел.: (495) 933-71-30.
Юридический адрес: 117465, г. Москва, ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

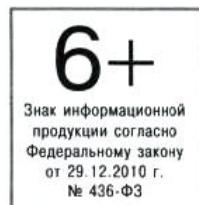
Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:
(495) 933-70-73; 933-71-30;
(495) 933-70-75 (факс).

Дата изготовления: апрель 2014 г.

Отпечатано в России.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Сказки русских писателей / С. Аксаков, Н. Телешов, Д. Мамин-Сибиряк
С42 и др.; Худож. Е. Комракова, Е. Володькина, Е. Борисова. — М. : РОСМЭН,
2014. — 128 с. : ил. — (Все лучшие сказки).

В книгу вошли чудесные сказки С. Аксакова, Н. Телешова, Л. Чарской, Д. Мамина-Сибиряка, Е. Шварца. Одни из них написаны в традициях русской народной сказки, другие напоминают романтические баллады, но во всех сказках затрагиваются глубокие нравственные вопросы, заставляющие юных читателей сопереживать героям.

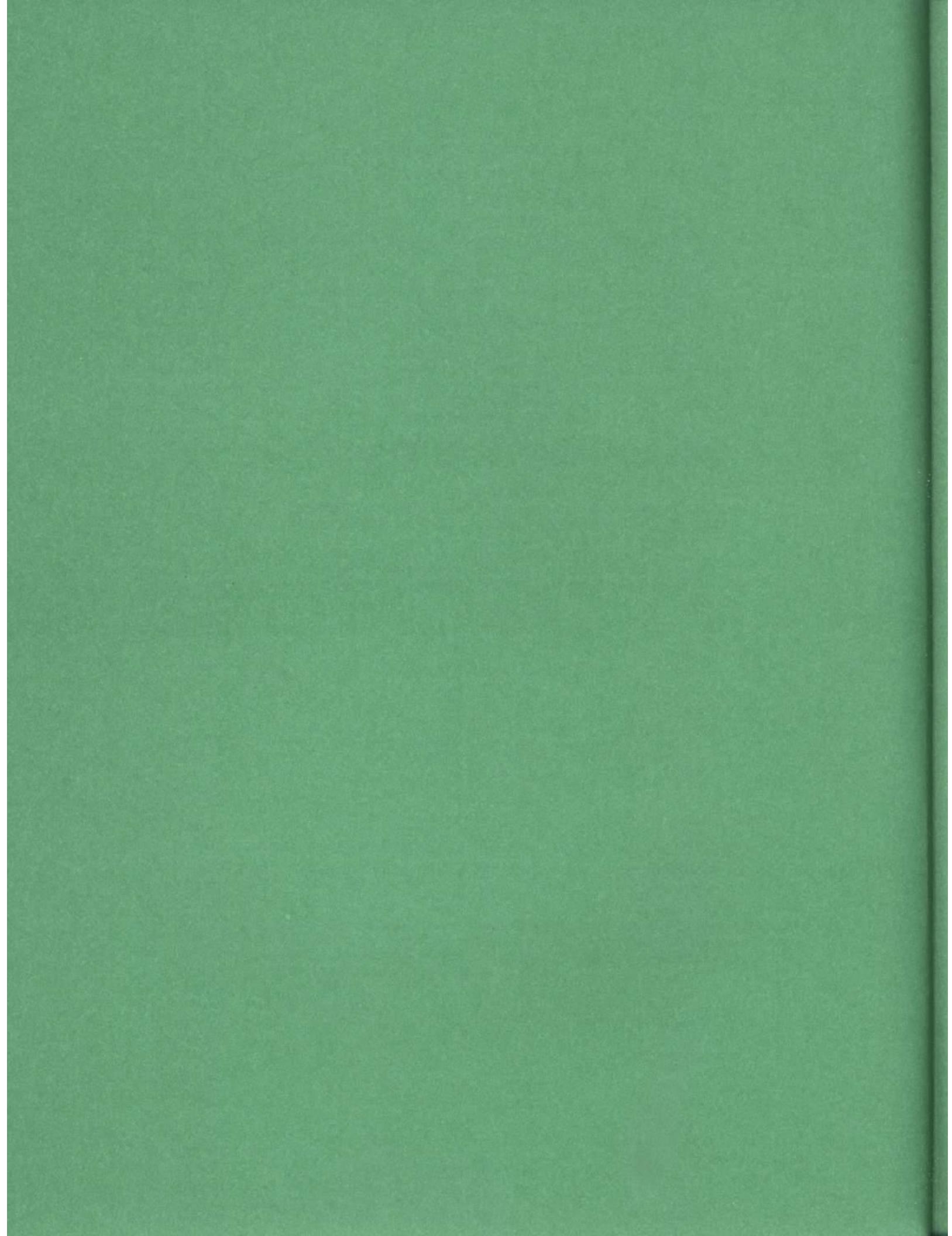
ISBN 978-5-353-06799-3

УДК 821.161.1-34-93

ББК 84(2Рос=Рус)

© Е. Л. Шварц, текст, наследники, 2014

© ЗАО «РОСМЭН», 2014

В СЕРИЮ
«ВСЕ ЛУЧШИЕ СКАЗКИ»

вошли самые известные произведения из сокровищницы детской классики. Созданные великими писателями или народной фантазией, они переносят маленьких читателей в волшебный мир, где живут принцы и принцессы, гномы и великаны, феи и колдуны, разговаривают звери, в мир, где всегда побеждает добро, а зло бывает наказано!

В этой книге:

- С. Аксаков
Аленьевский цветочек
-
- Н. Телешов
Крупеничка
-
- Л. Чарская
Чудесная звёздочка
-
- Д. Мамин-Сибиряк
Серая Шейка
-
- Е. Шварц
Два брата

ISBN 978-5-253-06799-3

9 785353 067993

